

ЦИРКОВОЙ ПОЕЗД

Амита Парих

Амита Парих

Цирковой поезд

Серия «Жизнь как приключение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69387025

Цирковой поезд: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-147515-4

Аннотация

1938 год. Лена Пападопулос – дочь виртуозного иллюзиониста, которой сложно найти свое место в цирке, ведь она прикована к инвалидной коляске. Она находит для себя магию в науках и образовании, мечтая выучиться на врача.

Однажды она спасает сироту Александра, и ее привычная жизнь кардинально меняется. Мальчик остается в цирке, постигает мастерство иллюзиониста и приоткрывает завесу на свое загадочное прошлое.

По мере того как обстановка вокруг становится все более напряженной, под пёстрым куполом расцветает их трогательная дружба. Но когда Тео и Александра арестовывают, Лена оказывается отрезанной от всего, что она знала до сих пор. Теперь, чтобы выжить и добиться успеха, ей придется поверить в себя и свои силы, и ей в этом поможет...

Стоит ли верить в чудеса, чтобы обрести свое место в жизни?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава первая	10
Глава вторая	26
Глава третья	42
Глава четвертая	52
Глава пятая	70
Глава шестая	81
Глава седьмая	90
Глава восьмая	100
Глава девятая	106
Глава десятая	117
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Амита Парих

Цирковой поезд

© Amita Parikh, 2022

© Артюгин К. перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается Риши, первому поверившему

Роман затрагивает тему жизни людей с полиомиелитом в 30–50-х годах прошлого века. Читатели, которые захотят узнать больше об этом или ознакомиться с опытом людей с подобными недугами, живших в ту эпоху, могут прочитать заметки автора в конце книги.

Пролог

Май 1929, Салоники, Греция

– Сутки, может, двое. – Доктор Комнинос вынес свой неутешительный вердикт так, будто зачитывал прогноз по радио или произносил математическую формулу. Он снял стетоскоп, положил его в кожаную санитарную сумку и громко захлопнул ее. Металлическая пряжка замка тускло блеснула.

– Мы хоть чем-то можем помочь? – спросил Тео, пытаясь подавить тоску, сжавшую горло.

Доктор Комнинос задумчиво покачал головой: он знал, что Тео принадлежал миру, где существует вера и даже магия. Но не было смысла скрывать правду о его жене.

– Боюсь, для Джии все кончено. Холодный компресс снимет боль, но вот вашей дочери... – Доктор умолк. За годы работы он понял, что самое трудное в работе врача – это дарить людям ложную надежду. Будучи человеком прагматичным, он полагал, что лучше перестраховаться от таких вещей.

– Так что же? – произнес Тео, не зная, куда деть руки.

– Когда спадет жар, думаю, мне удастся лучше понять, с каким ограничениями ей придется столкнуться. Но сказать по правде, я бы не надеялся на то, что она выживет, – признался доктор Комнинос, выкладывая на прикроватный стол рулоны бинтов. – Святой Димитрий, должно быть, пригля-

дывает за ней.

– Так она выживет?

Доктор Комнинос вздохнул, предвкушая гору бумажной работы, которая ожидала его в больнице:

– Если жар спадет сегодня ночью, то, как я и сказал, у нее нет причин умирать. Но вот что за жизнь ее ждет? – Он взял свою санитарную сумку и с трудом заставил себя взглянуть в глаза Тео. – Сейчас слишком рано прогнозировать что-то. Но поверь моему опыту: в таких случаях ожидания обычно оборачиваются разочарованием. – Он открыл дверь спальни и, уже спускаясь по лестнице, произнес:

– Я приду завтра рано утром, чтобы проверить, как она.

Тео стоял у окна и наблюдал за тем, как доктор шагал вниз по улице. Как же ему хотелось в тот момент, чтобы Комнинос вдруг опомнился, развернулся и с криком «Эврика!» вернулся к ним.

Из детской кровати, стоящей в углу, слышались тихие стоны малышки, рожденной едва ли пару часов назад. От страха подрагивали руки, но когда Тео приблизился к кровати, то обнаружил, что дочь спит, мирно посапывая, а ее пальчики сжаты в кулаки. Немного успокоившись, он присел на край кровати, где спала его жена Джия. Ее лицо выглядело смертельно бледным даже в лучах заходящего весеннего солнца. И хотя сезон жары в Салониках еще не настал, в комнате отчего-то было душно, и Тео заметил, что жена дышала с трудом, но ровно.

Примерно в шесть вечера он наложил ей на лоб холодный компресс. Джия открыла глаза, и сердце Тео пропустило удар:

– Любимая! Ты слышишь меня?

– Где она? С ней все в порядке? – Ее скрипучий шепот был едва различим.

Тео взял малышку на руки, от волнения задержав дыхание, и передал ее в руки матери. Глазки дочь все еще не открывала, но зато ее рот широко распахнулся, когда она уткнулась в грудь матери.

– Елена, – прошептала Джия, счастливо улыбаясь. – Мы назовем ее Елена.

Тео наклонился и поцеловал ее в лоб:

– Ты можешь пойти на поправку. Доктор Комнинос...

– Я знаю, что он сказал, – улыбнулась Джия. Она всегда ценила способность Тео видеть светлое во всем, что бы ни происходило, но в этот раз одной надежды не хватит. Дочка заворочалась в ее руках, напрягая последние силы. Джия подняла ее к себе, поцеловала в лобик, нос и щеки. Вдруг она представила все те моменты жизни Елены, которые ей самой никогда не доведется увидеть, и горло болезненно сжалось. Неужели это расплата за их недавнее прошлое? Из их лжи наконец вышло хоть что-то хорошее, но дочь будет расти без нее.

Стараясь справиться с эмоциями, она подняла взгляд на Тео:

– Я сохранила твой секрет. Теперь ты должен хранить мой.

Тео лег рядом и обнял жену с дочерью, не желая их отпускать. Спустя восемь часов стало ясно, что конец уже близок. Тео, поборов желание остаться в кровати с семьей, сел за рабочий столик и принялся писать на листке: то, что должно было стать короткой запиской, в итоге обернулось письмом на два, а затем и три листа. Ближе к концу он понял, что все это пустое, скомкал бумагу и бросил в ведро. Тео смотрел на личико Лены, новый луч света в его жизни.

Спустя пять часов подошел доктор Комнинос, лишь для того чтобы подтвердить смерть Джии. Вместе с ним в дом явилась и медсестра, которая научила Тео проверять температуру молока с помощью тыльной стороны запястья, показала, как правильно менять пеленки, рассказала, как делать массаж ножек со специальным маслом из абрикосовой косточки, а также объяснила, как накладывать прохладный компресс, если опять поднимется жар.

Но для начала ему нужно было разобраться с прошлым. Взяв еще один лист, он начал писать. На этот раз без лишних деталей и сразу переходя к сути:

Я не могу быть с тобой. Мне нужно думать о девочке. Пожалуйста, больше не связывайся со мной.

Часть первая

*Моя цель создавать иллюзии и развлекать. Я бы
ни за что на свете не стал бы вас обманывать.
– Говард Терстон*

Глава первая

Сентябрь 1938, Лондон, Англия

– Как думаешь, сколько их там?

– Думаешь, красавчики там есть?

– Ох, Сьюзи, посмотри сама!

Лена Пападопулос с интересом разглядывала девочек, стоящих в паре метров от нее. Они собрались в коридоре, ведущем в покои Хораса, директора цирка, изо всех сил пытаясь подслушать, что же происходит за закрытыми дверями.

Лора, акробатка из Брайтона, завязав волосы в хвост, тихонько кралась к дверям, ступая по бархатному голубому ковру. Сам Хорас называл ее цирковым хамелеоном за то, что та обладала редким умением на лету схватывать любой цирковой трюк – от элементов воздушной гимнастики до упражнений на трапеции и акробатических номеров.

– Может, с этого угла что-то удастся разглядеть. – Она встала на мостик и наклонила голову так, что подбородком касалась пола вагона. Лене показалось, что в такой позе Лора походила на перевернутую морскую звезду.

– Да вставай уже! Это бесполезно, – простонала Сьюзи; тугие локоны рыжих волос пружинили у ее лица. Цирковая труппа подобрала ее в Дублине год назад, и теперь девушка тренировалась, постигая водную акробатику. – А слабо дойти до самой двери?

– Нет, спасибо.

– Да давай, – подначивала Сьюзи. – Я дам тебе шиллинг.

– Нет. – Лора вытянула руки вперед и легла на грудь, делая кувырок, после чего поднялась.

Сьюзи скорчила недовольную гримасу и развернулась, уставившись своими зелеными глазами на Лену:

– Ну здравствуй, Лена. Я тебя и не заметила.

Та покраснела. Она даже не думала, что Сьюзи может знать ее имя.

– Привет, – чуть ли не пропищала она, пытаясь выпрямить спину. На лице Сьюзи расплылась широкая улыбка:

– А ты бы не хотела сыграть с нами в игру? – Она указала на дверь, ведущую в покои Хораса. – Если пойдешь туда и подслушаешь, о чем они судачат, я дам тебе фунт.

– Сьюзи! – сердито окрикнула ее Лора.

– Я с удовольствием сыграю, – отозвалась Лена, довольная тем, что ее приняли в игру. С лица Сьюзи не сходила хитрая улыбка. Девушка кивнула на дверь и сказала:

– Как только будешь готова – вперед.

Лена глубоко вдохнула и покатила свое кресло по коридору. Съехав с ковра на пол, она почувствовала, как желудок буквально свело от предвкушения, и твердо решила показать себя с лучшей стороны. Наконец ей выпал шанс стать другом для Сьюзи и ее компании. Все любили Сьюзи. Ведь она, как светлячок, обладала харизмой и притягивала к себе внимание мальчишек и девчонок вокруг нее. Подъезжая

к дубовым дверям, Лена уже представляла, как они вместе будут сидеть за обедом, а остальная ребятня станет толпиться вокруг них.

Покои Хораса располагались в отдельном вагоне, который вполне соответствовал его статусу богатого импресарио. Два огромных прожектора были направлены на двери, чтобы Хорас – не важно, входит он или выходит из своих покоев – всегда находился в центре внимания. В центре на каменном пьедестале стояла фарфоровая ваза династии Мин. У самых дверей мозаикой были выложены инициалы Хораса.

Лена остановилась прямо около дверей, поставив коляску так, что могла без труда заглянуть в замочную скважину.

– Ну? – громко шикнула Сьюзи.

Лена сощурилась и откинула в сторону дверной молоток, мешающий смотреть. Она разглядела двух девочек примерно своего возраста, мальчика, на вид чуть старше нее, группу юношей, скорее всего, тоже подростков, пару взрослых, несколько малышей и маму, качающую на руках младенца.

– Думаю, я вижу его. Высокий, с черными волосами? Держит шары для жонглирования?

– Это он! – живо закивала Сьюзи. – Что он говорит?

Лена приложила ухо к замочной скважине и прислушалась. Пытаясь расслышать хоть какие-то слова, она думала о предстоящем вечером посвящении – сакральном мероприятии, знаменующем начало нового тура цирка «Мир чудес». Каждый год ровно перед началом очередного тура Хорас за-

катывал роскошный пир. Быть принятым в «Мир чудес» – это величайшая честь, и Хорас не жалел денег, чтобы отметить это событие. Прошлогодний вечер прошел в духе «Алисы в Стране чудес». Подавали суп черепахи Квази, торты, украшенные в стилистике сказки, а на бокалах шампанского были наклеены бумажки с надписью «Выпей меня». После ужина все высыпали наружу и играли в крокет деревянными молоточками в форме фламинго, бегали по лабиринту, сделанному из кустов белых роз, на каждой из которых красовались брызги красной краски.

Темой этого года стала классическая русская сказка о Жар-птице, и Лена не находила себе места, грезя о стопках пышных блинов, испеченных поваром Марио.

– Ну, нравится он мне. И что с того? – кричала Сюзи.

Лена вспомнила о задании и вновь сконцентрировалась, напрягая слух, чтобы разобрать слова только что принятых в труппу. Но все ходили по кабинету туда-сюда, и это мешало расслышать хоть что-нибудь. Тогда она вновь глянула в замочную скважину и попыталась прочесть по губам.

– Помнишь парнишку по имени Джейми? Ты тогда удачно вмешалась! – продолжала негодовать Лора. – Я всего лишь хочу, чтобы те события опять...

Вдруг Лена откатила свое кресло назад и шикнула:

– Быстрее! Они идут!

Сюзи и Лора сорвались с места и пулей понеслись к тяжелым вельветовым шторам, которые висели у входа. Только

когда девочки спрятались за занавесками, Лора оглянулась и поняла, что они натворили. Ее лицо скривилось, пока она наблюдала, как Лена пытается уехать на кресле-каталке подалее от двери.

– Лена! За вазу! – прохрипела Лора, кивая в сторону каменного пьедестала.

Добравшись до своего никудышного укрытия, Лена перехватила взгляд Лоры, в котором читалась лишь жалость.

– Мне жаль, – сказала та одними губами, после чего скрылась за занавеской с такой скоростью и грацией, которых Лена в жизни не видеть.

Она покачала головой и попыталась заехать на пьедестал ближе к вазе, однако правое колесо заклинило.

– Давай же! – пробормотала она, нагибаясь, чтобы проверить, что не так. – Почему бы тебе просто не проехать еще чуть-чуть?

Колесо застряло в зазоре между двумя мраморными плитками.

– Лена! – послышался издалека голос Лоры. Лена подняла взгляд и увидела, что золотая ручка двери в кабинет Хораса начала проворачиваться. У нее не осталось времени, а потому она решила просто сдать назад, изо всех сил надавив на колеса. *«Отлично! – говорила она самой себе. – Мне бы только от дверей отъехать подалее. Вот так. Почти сумела!»*

Она бросила взгляд на дверь. Хорас стоял в проеме спи-

ной к фойе, а потому не видел их. Еще бы пара секунд...

– И как я сказал, ужин начнется в...

Бах!

Хорас резко замолк, и испуганные крики новых участников трупы заполнили фойе. Несколько секунд Лена просто лежала на полу, боясь даже смотреть вокруг. Собравшись с силами, она открыла глаза и увидела валявшиеся повсюду фарфоровые черепки. Ей захотелось провалиться сквозь землю.

– Лена! – заорал Хорас. – Что ты натворила?

Боковым зрением она заметила кончики рыжих локонов Сьюзи, скользнувших за шторы.

– Я случайно, – сказала она, силой заставляя себя посмотреть на Хораса.

Он стоял на коленях, собирая черепки разлетевшейся на сотни кусочков вазы:

– Ты хоть понимаешь, насколько она дорогая?

– Простите меня, – прошептала Лена, мечтая оказаться где угодно, но только не здесь. Не такое впечатление о себе она хотела оставить у новых членов трупы. Все теперь недобро пилились на нее.

– Что с ней не так? – Девочка моложе Лены ткнула в нее пальцем.

Хорас тяжело поднялся с пола и отряхнул от фарфоровой пыли полы своего вечернего синего пиджака.

– Друзья, хочу представить вам Лену – дочку вашего кол-

леги и иллюзиониста Тео Пападопулоса.

Лена вжала голову в плечи, надеясь, что Хорас просто ее отпустит. Она знала, какой вопрос последует, и не ошиблась, услышав:

– А как она стала такой? Надеюсь, не во время работы в цирке? – спросил молодой человек, который, судя по сумке с кинжалами, перекинутой через плечо, был новым метателем ножей.

– Разумеется нет, – быстро ответил Хорас. – Мы поддерживаем высочайшие стандарты безопасности в нашем «Мире чудес Беддингтона и Стерлинга». За почти десять лет работы мы не потеряли ни одного участника труппы по причине травм. Хотя редкие растяжения и переломы, естественно, случаются в таком бизнесе. Но Лена, – он продолжил, укаывая на нее, как на экспонат в музее, – увы, родилась такой.

– Бог мой, – прошептала одна из девочек.

– И все же мы очень рады, что она является частью нашего коллектива, – сказал Хорас. В его голосе сквозила притворная забота. Лена сглотнула. Она не боялась его, но не могла отделаться от чувства, что оплата всех ее бесконечных счетов – лишь способ удержать ее отца на этой работе. – Уважаемые коллеги, я приношу извинения за неудобство. Номера вагонов, в которых будете жить, написаны на выданных вам ключах от ваших купе. А теперь вы можете разместить там свои вещи. А что касается тебя... – Он повернулся к Лене, взгляд его был полон презрения. – Надеюсь, ты не доставишь

нам еще больше проблем хотя бы до конца сегодняшнего мероприятия.

Лена кивнула и покатила на своем кресле прочь, не осмеливаясь оглянуться на толпу пялящихся на нее циркачей.

* * *

– Как думаешь, во сколько они сегодня закончат? – спросила Лена. Прошло несколько часов, и гувернантка Клара Смит уже успела заплести ей волосы и подвязала косички темно-синей лентой.

– А почему ты спрашиваешь?

Лена указала на книгу, лежащую на ее прикроватной тумбочке:

– Я дочитала до того места, где Джордж и Тимми нашли карту сокровищ!

– Могу я посоветовать тебе хотя бы на вечер забыть о чтении и попытаться завести парочку друзей? Уверена, у нас есть новенькие ребята. – Клара сдержанно улыбнулась, а Лена лишь нахмурилась.

– Я им не понравлюсь.

– Но они же не *знают* тебя! Если заговоришь с ними, то будешь приятно удивлена.

Лена покачала головой, задумавшись о том, в какой момент взрослые перестают понимать, каково это быть ребен-

ком.

– Не буду. Они лишь притворятся в присутствии взрослых, что рады знакомству, а затем будут игнорировать меня, как и все, – сказала она.

– Это не так.

– Это так! – настаивала Лена. – Все взрослые такие. Я знаю, потому что Йохан в присутствии других всегда дружелюбен ко всем, но вот когда вокруг никого, он корчит мне рожи.

Клара рассмеялась, а Лена улыбнулась ей в зеркале. Ее гувернантка совершенно не походила на тех, о которых она читала в книгах Энид Блайтон. Она выросла в районе Лондона, который назывался Фулхэм, и пришла в жизнь Лены три года назад. Устав от недостойных ухажеров, которые упорно захаживали в дом ее родителей, и желая применить свое образование, она пошла на то, чего ни одна женщина ее лет делать бы не стала – присоединилась к цирку.

Лена любила ее. Ей нравились Кларины твидовые костюмы и запах душистого шампуня, которым она каждую пятницу мыла голову. Даже первые буквы слов, которые та аккуратно выводила в кроссвордах за завтраком по выходным, казались Лене просто очаровательными. Ей нравилось, что Клара занимается достойной работой, не связанной с цирковыми выступлениями, нравилось то, как она подбирала помаду в тон одежде, как ее темные волосы завитками обрамляют лицо. Ей нравилось, что гувернантка была достаточно

молодой, чтобы по-дружески болтать с ней и вечерами играть в карты и шашки, но достаточно взрослой, чтобы быть строгой, когда это требовалось.

– Лена?

Улыбка пропала с ее лица. Она обернулась и увидела отца – Тео Пападопулоса, который вернулся из города. Пока он стягивал с рук серые перчатки, она заметила румянец от осенней прохлады на его щеках и носу.

– Папа. Ты вернулся...

– Именно так, – сказал он, вешая куртку и накидывая на другой крючок шарф. – Клара, ты могла бы оставить нас с дочерью наедине? Я бы хотел с ней поговорить.

Гувернантка встала:

– Разумеется, сэр. Использую это время, чтобы погладить платье.

Тео улыбнулся гувернантке и, как только та покинула комнату, сел перед дочерью и заговорил:

– Ну что? Как день?

– Нормально. Я почти дочитала книгу.

– Уже? Боже, думаю, я не удивлюсь, узнав, что ты самый быстрый читатель по эту сторону океана. А что-нибудь еще произошло?

Лена прикусила губу, раздумывая, сумеет ли соврать насчет вазы. Вот только отец уже все знал. Все родители, как ей казалось, обладали особенной магической способностью заранее знать обо всех проступках, которые совершают их

дети, а потому она подняла руки и крикнула:

– Я не хотела разбивать вазу! Это произошло случайно!

– Для начала скажи, что ты вообще забыла в вагоне Хораса? Разве я не поручил тебе достаточно дел на сегодня? – Он указал на стол, где лежала стопка новых книг, раскрасок и новенький компас.

– Я хотела поиграть с другими девочками, – прошептала Лена, положив руки на колени. – Прости, что разбила ее. Она очень дорогая?

– Дело не в деньгах! – Тео подался вперед, ласково глядя на дочь. – Ты же знаешь, что я радуюсь, когда ты общаешься с другими девочками. Но они на пару лет старше тебя, а ты всякий раз влипаешь в проблемы, когда с ними общаешься.

– Но они мои друзья.

– Если бы они были настоящими друзьями, оставили бы они тебя одну принять на себя вину за то, что делали вы вместе? – Тео вопросительно поднял бровь, а Лена покраснела. Он обвел руками комнату и продолжил:

– В следующий раз, пожалуйста, слушайся меня и сиди тут.

Лена окинула взглядом полки, которые ломились от книг и игрушек, купленных ей отцом. У нее было все, о чем только мог мечтать ребенок: от вручную покрашенного кукольного домика, купленного в Утрехте, до роскошных наборов акварели из Берна и полного собрания серии книг «Великолепная пятерка». Так почему же у нее было так пусто на

душе? Но не желая спорить с отцом, особенно перед торжественным ужином, она взяла себя в руки и, улыбнувшись, произнесла:

– Ладно, обещаю.

Тео просиял и достал из-за спины серебристую коробочку, перевязанную блестящей лентой:

– Хорошо. Ты ведь знаешь, что все хорошие девочки достойны особых подарков в вечер перед торжеством?

Лена заметно оживилась, увидев коробку, взяла ее у отца, стянула ленту и достала подарок.

– Папочка! – Она держала в руках красивую фиолетовую повязку на голову, украшенную сложным орнаментом и тремя искусственными рубинами. Она тут же натянула ее на себя и принялась вертеться перед зеркалом. – Красота какая!

– Вот теперь ты действительно выглядишь русской царевной, – сказал он, наклоняясь к ней и целуя в лоб. – А теперь помоги решить, что надеть на сегодняшний вечер.

* * *

Большой обеденный зал был самым роскошным из всех вагонов, в которых располагался «Мир чудес». На потолке висели светильники из лучшего австрийского хрусталя. Казалось, будто бриллианты дождем сыплются прямо на столы. Стены были оклеены синими обоями с блестящими золотыми полосками, двери были распахнуты, приглашая го-

стей внутри. Сидя за столом, Лена затаив дыхание наблюдала, как циркачи, наряженные в традиционные русские наряды, проходили внутри. Мужчины щеголяли в *рубашках* с красными, синими и зелеными воротниками, девушки красовались в разноцветных *сарафанах* и блестящих кокошниках. Столы были расставлены вдоль стен прямоугольником так, чтобы место в центре оставалось свободным для выступавших.

Традиционно после подачи основного блюда Хорас произносил речь. Он вошел в вагон, облаченный в синий, как ночное небо, вечерний смокинг с длинными лапами, на голове у него была шляпа того же цвета. Пока он шествовал в центр зала, Лена слышала смешки. Она обернулась и увидела, как Сьюзи пытается подавить порыв смеха. Лора поймала Ленин взгляд, помахала ей и вежливо улыбнулась. Та грустно улыбнулась в ответ и перевела взгляд обратно на Хораса. Ей подумалось, что папа был прав. Как бы ни было горько признавать, но она никогда не станет такой, как другие дети. Приходилось лишь наблюдать за ними издалека.

– Минуточку внимания, уважаемые коллеги! – прогремел голос Хораса. – Для нас стало доброй традицией давать праздничный ужин перед каждым отправлением цирка в тур по Европе. Вот уже десять лет я руковожу цирком, и всякий раз мне кажется, что очередное наше представление не может быть еще более совершенным, но вы неизбежно удивляете меня. – Слушатели засвистели и заулюлюкали, Лена за-

хлопала в ладоши. — Не стану утомлять вас описанием тонкостей каждого номера, костюма и музыкального сопровождения, как хотел изначально, но лучше продемонстрирую новоприбывшим уровень, который ожидаю от них.

Тео поднялся из-за стола, оставив Лену, и встал позади Хорас, едва тот начал говорить. Теперь же он вышел в центр зала, а по бокам оказались двое жонглеров. По его сигналу жонглеры подожгли концы факелов и принялись подбрасывать их прямо к потолку. Загремел оркестр, и зазвучали традиционные русские мотивы.

Тео вытянул руку, показывая горстку красных, желтых и оранжевых перьев так, чтобы все могли разглядеть. Такие можно было найти в дешевой лавке всего по пенни за фунт. Но в руках Тео обыденное становилось волшебным. Он смял их в плотный шар в кулаке, а затем быстрым движением кисти швырнул его в воздух одновременно с тем, как жонглеры подбросили свои факелы. Зрители ахнули, когда комок перьев, соприкоснувшись с огнем, вспыхнул. Эхом по залу пронесся громкий *треск*, и оранжевая вспышка, в центре которой парила величественная Жар-птица, осветила все вокруг.

Первые ряды захохали, указывая пальцами во все быстрее плывущую по воздуху Жар-птицу. У корней ее крылья были окрашены в благородный темно-красный, ближе к кончикам перетекающий в ярко-желтый. Оранжевый нимб окружал голову птицы, а перья отливали золотом всякий раз, когда на

них падал свет.

Вдруг птица нырнула вниз и остановилась около Тео, который все то время двигал рукой, будто дирижер. Птица направила клюв в потолок, дергаясь, будто попала в ловушку. Затем она расправила крылья и взмыла под потолок, планируя между светильниками. Тем временем Тео подал жонглерам сигнал в последний раз подкинуть факелы. На счет «три» они подкинули их так высоко, как могли, именно в тот момент, когда зазвучала самая сильная часть мелодии. Дымящаяся зола разлетелась по воздуху, а птица в последний раз устремилась в сторону потолка, будто норовя пробить его насквозь, но Тео совершил еще одно резкое движение. Раздался громкий *хлопок*, и вагон осветился ярчайшей красной вспышкой, после чего зал погрузился в темноту.

– Свет! – Хорас пытался перекрыть зашумевшую толпу гостей, которые силились понять, что же только что пролетало над ними. – Чедвик, свет! – Тео продолжал бранить своего ассистента, который все еще шарил по стене в поисках выключателя. Через пару секунду светильники загорелись. Лена протерла глаза, привыкая к яркости света, а затем огляделась: все в зале аплодировало стоя. Дети побросали недоеденные десерты и теперь крутились вокруг Тео, пытаясь узнать, как тот сделал свой трюк. Девушки помоложе кокетливо строили ему глазки, явно оценив номер. По залу эхом разносились крики:

– Неужели это правда? А куда птица делась?

Покинув Тео, Хорас вновь встал посреди зала и явно наслаждался моментом.

— Браво! — вскричал он, потирая коротенькие пухлые руки и подавая сигнал оркестру, Тео и жонглерам. — Прошу тишины. Уважаемые, тишины! — приказал он, и толпа замолкла. — Благодарю, господа, за это замечательное выступление. Помните, это лишь малая толика той магии, с которой вам предстоит соприкоснуться в течение этого года. А теперь приглашаю вас поднять бокалы.

Хорас поднял тонкий бокал, и струйка шампанского потекла по его руке. Сидящие вокруг циркачи тоже подняли свои бокалы. Лена решила последовать их примеру. Она взяла со стола железную кружку, перевернутую вверх дном, и охнула: под ней лежало перышко, кончик которого сиял золотом. Подняв его со скатерти, Лена взглянула на отца, тот улыбнулся в ответ и подмигнул.

На устах Хораса появилась лукавая улыбка, и он произнес:

— Приветствуем новичков в «Мире чудес»!

Глава вторая

Чтобы понять, что же отличало «Мир чудес Беддингтона и Стерлинга» от других цирков, нужно перенестись в 1913 год в Бостон, где жил семилетний мальчик по имени Хорас Беддингтон-третий. Как наследнику состояния семьи Беддингтонов ему не обязательно было работать, вот только отец имел привычку избивать их с матерью каждый раз, как приводил домой новую любовницу, а потому Хорас твердо решил уйти из семьи. Люди завидовали их финансовому благополучию, но Хорас предпочел бы быть бедным, если бы это означало жить в любящей и дружной семье.

Несмотря на богатство, отец приучал сына ценить каждый доллар. По утрам во время летних каникул Хорас просыпался рано и оббегал еще сонный пригород Соммервилла, разнося новостную газету. После этого он сопровождал отца до офиса на Атлантик-авеню, затем садился напротив рынка Куинси с банкой крема для обуви, набором тряпок и желанием стать кем-то значимым. Отец уже решил, что мальчик пойдет по его стопам банкира, но восьмилетний Хорас, наслушавшись разговоров о ценах на нефть и о политике от мужчин, чью обувь он натирал до блеска, твердо для себя решил, что таким он не станет.

Хорас был единственным ребенком в семье, а из-за несмолкающей ругани между родителями он ни разу в жиз-

ни не приводил одноклассников в гости. Мальчик рос в изоляции, мечтая быстрее выпорхнуть из родного дома. Только бабушка Хораса замечала его метания, утешала его и покупала игрушки и книги. Очередным его подарком оказался набор для магических трюков. Хорас быстро полюбил этот набор, потому что для игры в него не требовались товарищи, в отличие от других настольных игр, которые родители дарили ему на каждое Рождество. Почти каждую ночь он оттачивал мастерство фокусов. По выходным, когда мальчику удавалось сбежать к бабушке Эстер в ее домик в Лексингтоне, он удивлял ее, доставая шарфы из шляпы и заставляя карты застывать в воздухе. Эстер терпеливо досматривала каждое его выступление и неизменно хлопала в конце любого трюка. Ей не хватало душевных сил сказать единственному внуку, что его умения в лучшем случае были весьма посредственными. К тому же ей нравилось проводить с ним время, ведь для остальных она была лишь тяжелой обузой, за которой приходилось ухаживать, или источником легких денег.

На летних каникулах она частенько ездила с внуком в Манхэттен и покупала билеты на любой водевиль или магическое шоу, которое шло в то время, замечая, что внук с головой погружается в представления Терстона и Кардини. Потом они заглядывали в магазинчик со всякой всячиной для фокусов, который располагался на Шестой авеню, и там бабушка не скупилась на карманные деньги для внука, чтобы тот ни в чем себе не отказывал. Также они частенько выбира-

лись в район Клинтон, где всевозможные провидцы сидели за драповыми занавесками с кристальными шарами в руках и предсказывали будущее любому, кто был готов заплатить.

В один из таких врезавшихся в память мальчика дней ясновидец пообещал, что Хораса ожидает большое будущее и что «он будет творить чудеса». Мальчик просиял, а бабушка хитро улыбнулась, так как знала, что ее внук способен на великие вещи, вот только ему нужно было услышать это от кого-то постороннего.

А поход на представление Гарри Гудини оказался переломным моментом в жизни Хораса. В фойе театра он столкнулся с русалкой. Разумеется, то была всего лишь переодетая девушка, но для Хораса она казалась настоящим чудом. Когда она проплывала, озаряя зрителей своей улыбкой, Хорас протолкнулся вперед и положил руку на стенку огромного аквариума. Стекло было таким толстым, что он увидел в нем свое отражение. Застенчивый, склонный к полноте мальчик, он совершенно не умел разговаривать с девчонками. Но русалка подплыла к нему, коснулась аквариума с другой стороны, так что их ладони разделяли всего лишь пара сантиметров стекла, и улыбнулась. В тот момент судьба мальчика решилась. Только в мире волшебства такое возвышенное существо может общаться с кем-то вроде него. Он хотел, чтобы эту эйфорию сумели почувствовать все остальные.

С того дня Хорас полностью посвятил себя практике. Он не раз заглядывал в магазин с волшебными штучками и ча-

сы напролет проводил у зеркала, пытаясь доставать предметы из ниоткуда. Но быстрота рук и точные движения явно не были его сильными сторонами, а потому мальчик постепенно стал терять надежду.

Во время очередных летних каникул, когда до начала последнего года в школе оставалось пара дней, он подслушал разговор двух мужчин в очереди в пекарне.

– Одри мне все уши об этом прожужжала!

– Так как долго они будут в городе?

– Они заезжают каждый год. Дают представления пару дней, а потом собираются и исчезают так, будто их и вовсе здесь не было. – Мужчина нарисовал носком своего ботинка круг на покрытом мучной пылью полу. – Единственное, что я знаю точно, так это то, что директор шоу имеет нереально большой навар. – Мужчина потер пальцами в воздухе, будто держал в руках монетку.

– Эй, парень! Что берешь?

Хорас трижды моргнул, прежде чем понял, что продавец обращается к нему. Выйди из пекарни с багетом для мамы и коричной витушкой для себя, он твердо решил изменить свою жизнь. Ему никогда не стать ярким обольстителем, как Казанова. Но зато Хорас видел возможности там, где другие их не замечали. Он мог быть создателем, который сделает шоу такой незабываемой красоты, что все остальные померкнут в сравнении с ним. Ему не хватало способностей самому стать фокусником, зато у него был вкус. Кроме того,

его поддерживала бабушка, сердце которой обливалось кровью при виде того, как над ее внуком издевается ее же сын.

И вот после громких ссор с отцом и слезливых увещеваний матери Хорас Беддингтон в возрасте семнадцати лет взял билет на судно «Ред Стар Лайн», имея в кармане финансовую подушку безопасности, подаренную бабушкой Эстер.

На плывущем на восток корабле пахло гниющей рыбой, потом и морской водой. Хорас наблюдал за тем, как матрос обматывал бочку плотно сплетенным канатом. Когда работа остановился на секунду, чтобы смахнуть пот с бровей, то спросил юного пассажира:

– Куда едете, сэр? – Он глотал буквы и говорил развязно, как любой житель Бостона.

Хорас улыбнулся, потому что никто раньше не спрашивал его об этом. Жизнь стремительно менялась.

– В Лондон. Говорят, улицы там вымощены золотом.

* * *

В Лондоне Хорас арендовал домик, выходящий на Фицрой-Парк и расположенный всего в двух шагах от особняка Витанхерст. Благодаря связям бабушки Эстер с членами клуба «Лонг-Айленд Атлантик», найти свое место в высших светских кругах города не составило Хорасу никакого труда. Но и теперь воплощение задуманного плана целиком зави-

село от него. В одной бесед он краем уха услышал, что Дэвид Девант, известный фокусник, еженедельно давал представления в театре Святого Георгия, что на улице Чаринг-Кросс. Мальчишка пошел туда швейцаром, чтобы прочувствовать, как все устроено с самых низов. В течение нескольких лет он работал там, делая заметки о том, как он сам бы улучшил работу заведения и как бы организовал представления. Он продолжал смотреть представления из своего закутка даже после того, как назубок выучил реплики фокусника.

– Почему ты пересматриваешь номера по десять раз? – как-то раз спросили его. – Ты, что ли, влюбился?

– Я смотрю не на номер, а на реакцию аудитории. Хочу знать, от чего у них захватывает дух.

Вечерами, сидя в любимом пабе, он пил пинту за пинтой, каждый раз отдавая бармену по шиллингу. Там он вел записи в тетради с кожаной обложкой, прорабатывая детали своего будущего великого творения. Его ум вырисовывал невозможные доселе номера и представления. Его цирк будет зваться «Мир чудес Беддингтона и Стерлинга». Нарекая его так, он отдавал должное и своей бабушке, ведь ее девичья фамилия была Стерлинг. Оформлено все будет золотым и синим. И его цирк не будет иметь ничего общего с той дешевой посредственностью, которая сейчас колесила по Европе. Он не будет походить на копеечные музеи и те едва освещенные заведения, насквозь пропахшие сигарным дымом. Его представление не будет похожим и на выступ-

ления уличных трупп, оккупировавших Ковент-Гарден, и на выступления странствующих фокусников.

Прошли времена полосатых красно-желтых тентов, едва ли способных удивить экзотикой, времена затвердевшего попкорна и липких от карамельных яблок детских пальчиков. Нет, «Мир чудес Беддингтона и Стерлинга» сделает цирк элитным развлечением, при этом впитаив лучшее от того, что могут предложить странствующие циркачи. Оттуда зрители будут уходить с широко распахнутыми от удивления глазами.

С имеющимися у него деньгами он легко сумел обзавестись нужными знакомствами. Мужчины не воспринимали его как угрозу и конкурента, и ни одна уважающая себя женщина не выбрала бы его в любовники, зато все они готовы были доверять ему свои мечты и страхи как другу. Именно это и позволило ему заполучить их доверие. Когда пришло время сбора средств на открытие цирка, то семейство Витанхерст было счастливо позволить ему провести у себя показательное магическое шоу на коктейльной вечеринке в их имении. Но то была не просто вечеринка, а праздник в стиле «Беддингтон и Стерлинг». В течение шести месяцев Хорас собирал лучших циркачей на улицах Лондона и любыми способами уговаривал их поработать на него всего одну ночь. Завороженная толпа глядела, как человек-змея, словно жидкость, протекает между железных прутьев позолоченной клетки, как фокусник обратил туза пик в дым, а ак-

робатки, одетые в русалок, синхронно танцуют в огромном прозрачном аквариуме с водой нежно-лилового цвета. После окончания представления Хораса обступила толпа джентльменов, желающих выписать ему денежный чек.

Пока шли номера, сам Хорас, одетый в сине-золотой костюм от одного из лучших швейных домов Лондона, гордо прохаживался между зрителями, общаясь с банкирами, дворянами и адвокатами, которые с радостью расставались со своими сбережениями. Не важно, о каких целях заявляли люди (Недвижимость! Акции! Облигации!), их действия говорили громче любых слов. Все хотели сбежать от рутины. Они хотели развлечений, в которых можно было бы забыть о тяжести будних дней. И Хорас доказал, что способен это организовать.

Заполучив горы наличности от инвесторов, Хорас отправился в путешествие по всему миру, добирая то, чего не хватало для воплощения того идеала цирка, который он обрисовал в прокуренном пабе на севере Лондона. В Румынии на игровой площадке возле школы для бедных он по одному отбирал гибких девочек, которые с необычной скоростью крутили колеса на песке, и мальчиков, умеющих во время игры завораживающе вращать вокруг себя длинные палки так, будто были рождены для подобных номеров.

В детском доме в Персии он заметил сидящую в углу девочку, которая удивила его синевой своих глаз.

– Сколько за нее? – спросил он.

Хозяин детского дома тут же рассказал длинную легенду о том, что девочка по имени Пари – прямой потомок когда-то властвующего рода Надир-шаха, но семья отказалась от нее из-за того, что мать была русской. Хорас вздохнул, понимая, что такая легенда, без сомнений, в разы повысит цену, но из детского дома вышел, держа Пари за ручку и предчувствуя, что эта инвестиция себя еще окупит. В горах Атлас он нашел силача, способного поднять две сотни фунтов, будто те были всего лишь мешком с пухом. В нигерийской церкви оказалась необычайно высокая десятилетняя девочка по имени Ннека, совершенно лишившая Хораса дара речи. Темно-коричневую кожу ниже ее носа прочертила идеально симметричная белая клякса. Непричесанные волосы торчали во все стороны. Когда девочка заметила, как пристально ее осматривал Хорас, то немедленно опустила взгляд. На секунду сердце Хораса кольнуло: он по себе знал, каково это быть неудачником. Когда он спросил о ее лице, то церковный староста пожал плечами:

– Она была рождена с таким кожным дефектом. Мы нашли ее спящей на мешках с кукурузой на заднем дворе. Ее мама мертва, а отец от нее отказался. Здесь девочка спит, моет полы и поет днями напролет. Мне жаль ее. – Церковный староста покачал головой.

Затем Хорас услышал голос – необыкновенно мощный и мелодичный для столь юного создания. Он завороченно слушал худенькую девочку, которая водила шваброй по полу и

напевала песню с несвойственным ее возрасту мастерством. Когда Ннека пела, то казалась совершенно другим человеком.

– Назовите цену, – попросил Хорас, в ответ на что староста лишь покачал головой:

– Господь наградил ее редким даром. Нечто настолько священное не может быть продано.

Однако после нескольких минут торгов староста все-таки решил, что Ннека и ее голос чего-то да стоили, а потому путешествие Хорас продолжал уже вместе с девочкой, взявшей с собой лишь Библию и розовые бусы.

На другом конце океана в Бразилии труппа танцоров капозйры и барабанщиков была лишь рада присоединиться к предприятию Хораса, ведь местные власти запрещали им развлекать народ такими представлениями. В Германии и Советском Союзе он нашел пловцов, не попавших в олимпийские сборные, но все еще желавших доказать что-то себе и другим.

Путешествия продолжались примерно год, и все это время коллекция трюкачей лишь полнилась. Он никогда не выбирал уже раскрученных и популярных артистов, предпочитая тех, кто потерял кого-то (родителя, жену или ребенка) или уверенно брал бронзу в своем виде спорта или искусства. Эти люди, как он полагал, были на пороге славы и хотели бороться ради того, чтобы заполучить ее и расцвести.

Труппа была практически набрана, и Хорас вернулся

в Лондон, где разместил будущих циркачей в доме напротив своего под присмотром помощника Чедвика. Единственное, чего не хватало его цирку, так это иллюзиониста. Того, кто бы завершал каждый вечер и заставлял бы зрителей ахать от удивления. Его желание исполнилось в Салониках, где он заприметил Тео Пападопулоса.

Для многих людей Тео Пападопулос был величайшим иллюзионистом всех времен. Когда он давал представления в амстердамском порту, то моряки от Балтики до Каспия ставили на якорь суда, чтобы посмотреть, как Тео ходит по воде. Дети ахали, когда он окрашивал гусей, бегающих по итальянским деревням, в цвета радуги. В Вене женщины падали в обморок, когда тот на лету превращал гальку в блестящие бриллианты. Взрослые мужчины забывали о том, что они выросли, и с детским восторгом смеялись, после того, как Тео выходил невредимым из ящика, куда только что вогнали с дюжину японских ножей. Куда бы он ни ездил – от Лондона до Праги и Берлина – люди оставались в восхищении. Не было трюка, которым бы он не сумел овладеть, и чуда, которого бы он не сумел сотворить.

Когда Хорас, будто замороженный, наблюдал за его представлениями, то понял для себя, что с этим фокусником труппа наконец будет полностью укомплектована. Тео обладал актерскими данными Гудини, мастерством Деванта¹ и

¹ Дэвид Девант – легендарный иллюзионист из Англии.

интеллектом Келлара².

Едва представление завершилось, Хорас, словно потеющий пингвин под греческим солнцем, принялся протискиваться сквозь толпу расходящихся людей. Нужно было сохранить профессионализм, говорил он себе, глядя на полы своего пиджака. Ему было плевать на цену, которую придется пообещать иллюзионисту, думал он. Ему нужно было подписать контракт с тем, кто станет жемчужиной в короне «Мира чудес».

Однако улыбка сошла с уст Хораса, когда он увидел жену иллюзиониста. Она была классической красоткой с лицом богини, высеченной в мраморе. Ее темные густые волосы были собраны сбоку и схвачены заколкой. Ее животик, пусть и не такой большой, как у Хораса, явно выдавался вперед. Тем не менее Хорас представился и пригласил пару на ужин.

Позже тем же вечером они ели в кипрской таверне на крыше отеля, откуда открывался вид на залив. Тео рассказал Хорасу, с чего начинал свое дело, как загорелся желанием творить чудеса, в детстве наблюдая за фокусником на вечеринке по случаю дня рождения. Он сказал и о том, как отец-дипломат выгнал его из дома за то, что он выбрал нетрадиционную карьеру. В первые годы Тео подрабатывал плотником, чтобы покрывать расходы на еду и жилье, но постепенно вырос в, наверное, самого востребованного иллюзиониста Европы. К тому моменту он уже раскрыл свой талант и в глазах

² Гарри Келлар – известный американский иллюзионист.

Хораса был идеален: высокий и внушительный, но добрый. Его трюки завораживали и взрослых, и детей. Женщины явно засматривались на него. Хорас обрисовал иллюзионисту свое видение цирка «Мир чудес Беддингтона и Стерлинга» и, не желая тратить время впустую, сразу посулил им хорошие деньги за работу. Тео взглянул на жену.

– Вы должны понять меня, сейчас нам никак нельзя путешествовать.

– Мы можем подождать, пока ребенок не родится, – кивнул Хорас. – Наши вагоны обустроены, как гостиницы первого класса, а я прослежу, чтобы там организовали еще и ясли. Дитя ни в чем не будет нуждаться.

Джия прокашлялась, желая что-то добавить, но Хорас продолжил:

– И вы, мадам, найдете развлечения в игровой комнате на любой вкус: бильярд, дартс, маджонг, карты. У вас будет доступ к высшему обществу Европы. Достаточно часто именно богачи стремятся попасть на наши представления. Марта, мой главный костюмер, была нанята в команду прямо из дома Живанши. Они сошьют, что бы вы ни пожелали: бархатные халаты, шелковые платья с подоломи и шляпки, украшенные драгоценностями. Что угодно.

– Что думаешь? – Джия глянула на Тео и глотнула «Сан Пеллегрино»:

Тот заботливо положил руку ей на животик и сказал:

– Сейчас мы просто ждем. Но после родов...

Джия задумчиво кивнула, хотя и не выглядела полностью убежденной. И тут Хорас решил показать свой главный козырь:

– В нашем штате числится доктор Джеймс Уилсон. Он управлял лучшей клиникой на Харли-стрит, прежде чем присоединился к нам. Он получил образование в Сен-Бартелеми и занял первое место среди выпускников своего класса. – Хорас улыбнулся, довольный реакцией Джии.

– Мы присоединимся, но у меня есть одно условие, – сказала Джия. – Я хочу, чтобы мой ребенок получил образование, лучших учителей, самые новые книги, доступ к лучшим университетам и все за ваш счет.

Хорас не мог поверить своему везению: все, чего желали лучший в мире иллюзионист и его жена, – это лишь пара хороших школьных учителей. Директор цирка явно сорвал джекпот. Он протер уголок рта салфеткой и протянул руку:

– Мы договорились.

Следующим утром Тео подписал контракт, и Хорас пообещал вернуться через пару месяцев.

Продюсерам шоу всегда нужно быть готовым к худшим сценариям: актеры могут пострадать в ходе представления, их дела могут пойти под откос, а контракты нарушаться. Но Хорас совершенно не ожидал, что тот, на кого он делал большую ставку, станет вдовцом. Когда Тео открыл дверь жарким июльским утром, держа в руках завернутую в белое одеяло малышку, то выглядел потрепанным и опустошенным.

– Прости, Хорас, я не знаю, как теперь выполнять наше соглашение, – произнес Тео после того, как рассказал о произошедшем с Джией и его дочерью. Малышка завозилась, и Тео принялся качать ее в руках. Хорас пришел в замешательство. Он был готов к любой ситуации, но не к этой. Он быстро прикинул, сумеет ли найти другого иллюзиониста, но сразу понял, что равных Тео больше нет. Кроме того, он все-таки Хорас Беддингтон-третий, и ему не пристало бояться сложных задач или препятствий на пути.

Тогда Хорас связался с Чедвиком и сказал, что задержится на несколько недель ввиду неожиданных обстоятельств. Он снял дом с двумя спальнями на улице Цимиски. Хорас просыпался с первыми петухами и спешил на рынок, где покупал свежайший лук-порей и шпинат, чтобы принести их на крыльцо к Тео. Он также нанял лучших докторов и наказал им следить за здоровьем девочки. Он нашел кормилиц и принял на работу повара, который готовил блюда из ингредиентов, ежедневно покупаемых на рынке в Модiano. Хорас настоял на покупке нового надгробия, чтобы увековечить память о Джии, и со стороны наблюдал, как Тео каждое воскресенье оплакивал жену на службе в соборе Святой Софии. Гонимый желанием преуспеть, Хорас вложил последние деньги в благополучие Тео и его дочери. Тео нужен был на борту «Мира чудес», и если придется заплатить больше, чем указано в контракте, то Хорас был готов пойти на это.

Такая настойчивость дала свои плоды. Одним сентябрь-

ским утром Тео сам пришел к Хорасу домой, держа в руках завернутую в розовое полосатое одеяло девочку. Если цирк будет оплачивать медицинские расходы на Лену и расходы на ее гувернантку плюс даст ему ежегодно двухмесячный отпуск, чтобы проводить его в Салониках, то он в деле.

Месяцем позже Тео Пападопулос прибыл на станцию Виктория с двумя чемоданами, дочерью на руках, желанием забыть старую жизнь и секретом, глубоко похороненном в его сердце. «Мир чудес Беддингтона и Стерлинга» начал тур по континенту с выступления в театре «Лондон Палладиум». Был 1929 год, Рузвельт стал президентом, и на рынке ценных бумаг произошел обвал. Что бы ни случилось, Хорас настаивал на том, чтобы они не останавливались. «Шоу должно продолжаться», – говорил он.

Ведь когда Хорас Беддингтон-третий сильно желал чего-то, то ничто не могло встать на его пути.

Глава третья

Лена Пападопулос не верила в магию. Во всяком случае в магические представления, от которой раз за разом были без ума зрители шоу «Мира чудес». И хотя она выросла в цирке – месте, где в буквальном смысле было возможно все, мир Лены вращался сугубо вокруг материального. Будучи с самого детства прикованной к инвалидной коляске, она чувствовала, что этот барьер всегда будет отделять ее от остальных детей и взрослых. И хотя ели они одну пищу, спали в одном вагоне, наслаждались той же самой музыкой, они отличались, а девочка рано уяснила, что тех, кто не такой, как все, никто не любит.

Но не всегда все было так плохо. Когда Лена была совсем еще ребенком, то ее инвалидная коляска, наоборот, манила детей. Малыши лет четырех, еще не понявшие, где черное, а где белое, собирались вокруг нее каждый день. Она помнила, как однажды ее ждали около кабинета врача несколько часов лишь для того, чтобы, едва завидев Лену, умолять ее дать прокатиться на кресле. К ней подходили за обедом, с завистью в глазах водили руками по каркасу кресла.

– Я *не хочу* ходить! – крикнула одна девочка и скрестила руки на груди.

– Не глупи, – ответила его мама. – У бедной девочки с младенчества полиомиелит. Неужели и ты хочешь заболеть?

– Да! – крикнула ее дочь. – Я хочу ездить, как она!

Но шли годы, и на смену любопытству пришло отторжение. Ограничения, с которыми сталкивалась Лена, постепенно стали очевидными. Общение с ней быстро превратилось из приятного в принудительное. Сначала дети благородно пытались подстроиться под нее и включить ее в свою компанию, но каждый раз становилось понятно, что легче просто не звать ее. Не важно, как бы они ни старались, но чтобы играть в прятки или в вышибалу с Леной, требовалось буквально переписывать правила игры.

Постепенно пропасть между нею и другими ширилась, чему способствовали Ленины частые простуды – результат хронически подавленной иммунной системы. И проводя долгие часы в санитарном вагоне, чтобы скоротать время, Лена наблюдала за работой доктора Уилсона. Она сидела в кровати и слушала, как он диагностировал различные болезни, с которыми являлись циркачи. Встречались корь, туберкулез, грипп и тиф, растяжения, ушибы и порванные связки, а также высокое давление, переломы, а у одного бедолаги даже диагностировали диабет.

Лена с любопытством наблюдала, как доктор Уилсон говорил с каждым пациентом о его состоянии и прописывал лечение: медикаменты, отдых, холодный или теплый компресс, лимфодренажный массаж и многое другое. Пока другие дети тренировались выполнять карточные фокусы и ходить по веревке, Лена медленно, но верно учила названия всех му-

скулов, артерий и вен, что, как змеи, расползались по человеческому телу. Она запоминала способы лечения на дому и записывала в кожаную книжечку рецепты целебных снадобий. Она пристально смотрела за тем, как взвешиваются и распределяются лекарства. А когда она достаточно подросла, то доктор Уилсон позволил ей проводить инвентаризацию лекарств и витаминов, и Лена часами старательно заносила в учетную книгу названия и количество препаратов. Когда доктор Уилсон отлучался, она листала его обширную коллекцию медицинских журналов. Здесь же нашлось место книгам и по математике, и астрономии, и физике, и даже органической химии.

Ее знания обогащались день за днем, и скоро Лена поняла, что магия, окружавшая ее в цирке, были лишь продуктом науки и математики. Та свободная грация, с которой Йохан Ларсен, канатоходец, порхал над сценой, была не чем иным, как результатом длительных тренировок, физикой хорошего баланса и математикой идеального тайминга. А дуга, в которую, сидя на спине скачущего пони, могла изогнуться Анна-Мария Бьянки, наделенная талантами балерины, акробата и человека змеи, объяснялась ее необыкновенной гибкостью. А языки синего пламени, что вырывались из левистиков для жонглирования Джуси Форсберг, были лишь результатом химической реакции: тряпки, намотанные на палки, были щедро смочены хлоридом меди, которая при горении светилась ярко-синим.

Даже трюки ее отца были лишь результатом долгих часов работы с инструментами, расчетов, практики и точности. Другие почему-то не могли понять, что все увиденное ими – вовсе не магия, а наука. Все, что делал ее папа и любой другой артист цирка, было лишь мастерством рук, умением отвлечь внимание и идеальным расчетом времени. Именно поэтому Лена со страстью изучала науку. Наука, как она полагала, была настоящей магией.

– А вы знали, – спросила как-то Лена, когда они остановились в Штутгарте через пару дней после того, как ей исполнилось семь лет, – что впервые краснуха была описана еще в 1740 году человеком по имени Фридрих Хоффман?

– Да, я осведомлен о вкладе мистера Хоффмана в лечение кори, спасибо, Лена, – отвечал доктор Уилсон, набирая в пипетку каплю жидкости и перенося ее в мерную бутылочку, содержимое которой тут же зеленело.

– Откуда вы все то знаете?

– Я окончил медицинскую школу. – Теперь доктор Уилсон принялся стерилизовать рабочие инструменты. – У нас были курсы химии, генетики, физиологии и анатомии.

– А медицина – это тоже магия?

– В какой-то степени да.

Лена глянула на свои ноги, лежащие неподвижно под тонким хлопковым одеялом.

– Возможно, однажды медицинская магия вылечит мои ноги, и я смогу стать вашим ассистентом, – гордо заявила

она.

Доктор Уилсон отложил инструмент и сказал:

– Ты уже идеальный ассистент. Не нужно ничего менять. – Он симпатизировал этой маленькой девочке, подходящей к образованию с таким пылом, которого он не видал ни у одного другого ребенка в цирке. Но ее история болезни не подразумевала счастливого конца. – Кроме того, ты должна понимать, что паралич с самого детства – это не шутки. Ты родилась очень слабой.

– Но эксперимент выйдет интересный, не правда ли? Да и сейчас мне гораздо лучше, чем в детстве. Кроме того, вы сами говорили, что медицина не стоит на месте.

Доктор Уилсон замялся: девочке повезло выжить с полиомиелитом и другими заболеваниями, от которых она страдала с младенчества. Невозможно было даже и подумать о том, что однажды она сумеет встать со своего кресла-каталки. Но не желая разочаровывать ее, врач быстро сменил тему и обрадовался, когда Лена не стала возвращаться к этому вопросу.

Когда Тео пришел вечером уже после того, как Лена заснула, доктор Уилсон отвел его в коридор.

– Что случилось? – спросил Тео взволнованно.

Доктор прокашлялся и заговорил:

– Кажется, Лена достигла того возраста, в котором понимают свои ограничения. Она видит их, но не готова принять. Доктор, который лечил ее в младенчестве, сказал тебе прав-

ду: в лучшем случае она сумеет неумело переставлять ноги. — Уилсон помолчал. — С другой стороны, у нее чрезвычайно острый ум, но ей одиноко.

Тео сощурился, а затем рассмеялся:

— Что ты мелешь? Она с тобой и Кларой целыми днями. А каждый вечер мы с ней часами читаем, рисуем и...

— Но ей нужны *не мы*. Она хочет быть с ровесниками. Я не говорил, но она дважды спрашивала, сумеет ли ходить в обычную школу. — Доктор Уилсон грустно покачал головой. — Она чувствует себя изгоем.

Тео потер глаза. Он не был слепым и замечал, как тщательно другие дети избегают общества его дочери, однако наивно верил, что, будучи занятой игрушками и книгами, она не заметит этого. На душе стало тоскливо, и Тео спросил:

— Скажи, Джеймс, есть ли лекарство от одиночества? — Он грустно улыбнулся и произнес: — А мы можем выйти с ней в город? Она немного окрепла, да и здесь есть что посмотреть. — Тео уже предвкушал, сколько всего он сумеет показать Лене. — Допустим, по понедельникам? Кроме тех дней, когда мы путешествуем. Это же не будет слишком опасно для нее?

— Напротив, я уверен, что это пойдет ей лишь на пользу. Такой любознательный и светлый ум достоин того, чтобы его постоянно обогащали новыми знаниями, — ответил доктор.

На следующий день Тео пришел в санитарный вагон к Лене и положил шерстяное одеяло и шарф на ее кровать.

– Пошли, – сказал он. – Мы выходим.

Лена выронила книгу.

– Мы?

– Доктор Уилсон позволил взять тебя на небольшую прогулку. Разумеется, есть несколько условий. Первое: будь в тепле. – Он указал на шарф с одеялом. – Второе: если почувствуешь недомогание, то мы сразу же возвращаемся домой. Поняла?

– Папочка, спасибо! – Лена захлопала в ладоши, а ее щеки залил румянец. Она скинула с себя одеяло и залезла в кресло. – А куда мы поедем?

– Это сюрприз, – сказал он, подмигивая дочери и вывозя ее в коридор.

Музей Фрагонара в Париже был закрыт для посещений, но Тео договорился о частной экскурсии для них двоих. Все-таки менять правила игры было его профессией, к тому же было желание организовать все ради дочери на высшем уровне.

У входа в музей Тео и Лену встретил куратор, который провел их на выставку. Воздух в помещении был затхлым, и пара сидящих там студентов-ветеринаров подозрительно поглядывали на мужчину и девочку в инвалидной коляске, которые останавливались около каждого экспоната.

Когда папа рассказывал Лене об Оноре Фрагонаре, Лена слушала, затаив дыхание: хирург, который получил лицензию в 1759-м, но лишился своего поста из-за приверженно-

сти иностранным идеям. Пока они проезжали из комнаты в комнату, Лена то и дело тыкала указательным пальцем в таблички под витринами экспонатов, надеясь найти там подтверждение того, что идеи хирурга просто обгоняли его время, а сам он был неверно понят. Музей был знаменит своей кунсткамерой. Лена засматривалась на трехголового теленка, обезьяну-циклопа, десятилапую овцу, а также сиамских близняшек ягнят. Каждый из них, казалось, мог бы дополнить коллекцию «Мира чудес», если бы был еще жив.

Когда они добрались до комнаты, Тео передал дочери тетрадь и карандаш, и та тут же принялась делать наброски, сидя в своем кресле. Самая знаменитая из работ Оноре Фрагонара была основана на картине Альбрехта Дюрера «Четыре всадника Апокалипсиса». Это были высушенные тела наездника, держащего поводья, и его лошади. Лена во все глаза смотрела на работу. Выглядело все так, будто кто-то наложил на всадника заклятие и снял кожу с его тела, но остальное осталось нетронутым. Для многих такое показалось бы отвратительным, но там, где другие едва сдерживали рвотные позывы, Лена видела красоту: бесчисленные артерии и вены, сети капилляров и аксонов, по которым в телах всех живых существ текла жизнь. Она тихонько сидела и перерисовывала экспонаты себе в тетрадь.

Когда Тео глянул на лицо дочери, то сердце его пропустило удар: именно это самое выражение восторга он хотел хоть когда-то увидеть на нем, но даже цирковые представления

никогда не вызывали у Лены столько восхищения. И вот в затхлых комнатах музея законсервированных реликтов прошлого, хранящихся за стеклянными витринами, Лена испытала нечто сродни вдохновению, и Тео с гордостью расправил плечи, едва сдерживая радость.

– Папа, – позвала его Лена, подъезжая к нему и беря его за руку.

– Да?

– А почему ты плачешь?

Он и сам не заметил, как по его лицу потекли слезы. Смахнув их, он склонился к Лене, погладил ее по щеке и обнял:

– Потому что ты замечательная.

Так все и началось: в любой свободный день Тео и Лена выбирались из цирка, чтобы посмотреть достопримечательности города, в котором остановились. Во Флоренции они побывали в Палаццо Каstellани, в Вене они видели медицинскую коллекцию Йозефинум, а в Базеле они посетили Анатомический музей, где был представлен старейший человеческий скелет в мире. В конце каждой такой остановки она пополняла свою коллекцию сувениров, либо делая зарисовки экспонатов, либо покупая безделушки в магазинчиках при музеях: термометр, песочные часы из латуни, сделанные под старину, и тяжелый металлический компас. В одной научной лавке в Гамбурге Тео купил чашку Петри, куда Лена потом складывала сережки и браслеты.

Однажды Хорас, заметивший дочь с отцом, когда они воз-

вращались из одной такой поездке, поинтересовался, что за вещицу несла Лена. Она достала из коробочки бронзовый предмет с числовыми насечками. Хорас с недоумением покрутил его в руках.

– Это астрорябия, – объяснила Лена, забирая свой сувенир. – Ее использовали, чтобы рассчитывать время по положению звезд и планет.

Хорас, недолго подумав, вздохнул и разочарованно буркнул:

– И это все? Какая бесполезная железяка.

Он развернулся и пошел прочь, качая головой. Лена расстроилась, но не удивилась. Все-таки астрорябию никак нельзя использовать в магических трюках.

Так оно и пошло: пока другие члены цирка репетировали, Лена часами сидела за альбомами и коробочками с сувенирами, воображая, как было бы замечательно переместиться в будущее, чтобы почувствовать невесомость космоса или опуститься на дно Тихого океана. Наука и те возможности, которые та давала, были для нее всем. Как и полагал ее отец, те выходы в свет очень помогли Лене. Благодаря им, живя по большей части в мире вымышленном, где главной целью было исказить действительность, она полюбила мир реальный. А наука, опирающаяся на доказательства, стала для Лены сладкой и желанной отдушиной.

Глава четвертая

Октябрь 1938, Европа

После торжественного ужина вереница сине-золотых вагонов двинулась на юг. Лена отправилась в библиотеку. Из всех вагонов «Мира чудес» самым ее любимым был библиотечный, потому что другие дети туда редко заглядывали. А стены, сплошь заставленные книгами, помогали ей сбежать от реальности и почувствовать себя одним из миллионов других персонажей, которые живут там, где в реальной жизни ей никогда не удастся побывать.

Попав в вагон, она разочарованно посмотрела, во что он превратился: перед каждым туром костюмерная и гримерная хорошенько вычищались, а весь инвентарь на время переезжал в библиотеку. Тяжелые дубовые столы и лакированные стулья невозможно было разглядеть из-за вешалок с шелковыми платьями и роскошными костюмами, элегантными головными уборами и куртками, украшенными блестками. Стояли позолоченные сундуки, обитые кожей цвета синего ночного неба: там хранился реквизит для выступлений. В другом конце вагона находились туалетные столики, на последнем из которых высились контейнеры с ювелирными украшениями в стиле ар-деко: серьги и чокеры, запонки, золотые, серебряные и бронзовые кольца с такими огромными сапфирами и опалами, что им бы позавидовал даже индий-

ский принц. Для любого постороннего эта комната была бы сердцем «Мира чудес», возможностью взглянуть на изнанку самого волшебного места на земле.

Но вот для Лены все было совсем не так: груды добра были лишним напоминанием о ее собственной беспомощности. Она вздохнула и покатила кресло вдоль одной из стен, чтобы выбрать книгу с нижних полок. Фолиант о *«Естественном формировании горных массивов Австралии»* не вызывал интереса, но ни до чего другого Лене было не дотянуться.

Лена пролистывала страницы, почти не читая сам текст. Каждый год она надеялась, что все изменится, что ей повстречается кто-то, кто примет ее такой, как она есть, или что доктор Уилсон наконец изобретет для нее лекарство. Но ничего никогда не менялось. Новые дети только вели себя вежливо, а в действительности они никогда не считали ее своей. Да, они говорили: «Доброе утро!» и «Доброй ночи!» и даже иногда звали посидеть с ними за завтраком, но она была для них чужой, никто никогда не доверил бы ей свои секреты.

Но даже тогда все не было так уж плохо, как она себя убеждала: любимые книги всегда были рядом, да и доктор Уилсон помогал. И когда она забывала об отсутствии друзей, то чувствовала, что живет полноценной жизнью. Да и не знала она никогда другой жизни: ни разу она не вставала на ноги, не прохаживалась из комнаты в комнату, не бегала по берегу Средиземного моря.

Лена вздохнула, попытавшись сосредоточиться на книге: *«Австралия обладает впечатляющей геологической историей. Некоторым породам этого континента более 3,8 миллиардов лет»*.

Вдруг издалека донеслось:

– Здесь кто-нибудь есть?

«Это Йохан», – поняла Лена, убирая книгу на полку. Она откатила коляску, спрятавшись за вешалками с трико для выступлений, сняла одно трико и накинула его на ноги, чтобы стать незаметнее.

– Кто-нибудь?

Лена молчала. Ей не хотелось говорить с Йоханом, потому что разговоры с этим норвежским воздушным акробатом всегда утомляли. Она задержала дыхание и закрыла глаза, надеясь, что так он точно ее не заметит. Но было уже поздно: шаги приближались к ее укрытию. Спустя пару секунд вешалки с трико отъехали в сторону, а Йохан, хмурясь, смотрел на Лену:

– Ты же понимаешь, что мне были видны твои ноги и ботинки? – Он закатил глаза, а Лена выехала из-за горы тряпья и поправила упавшие на лицо кудри. Волосы Йохана были похожи на сосульки весной. Он был одет в золотую робу и бело-синий спортивный костюм, выполненный в стиле китайской народной одежды, а завершала образ пара вельветовых синих сандалий, на которых был вышит золотом герб цирка Беддингтона и Стерлинга. – Ты разве сейчас не с Кла-

рой должна быть?

Лена объехала Йохана и остановилась у туалетных столиков. Йохан взял щеточку и нанес белую тушь на ресницы.

— А я закончила домашнюю работу. — Она сняла кресло с тормозов и, поездив взад-вперед, остановилась у стола Йохана, коснувшись ножек кончиками носков.

— И поэтому ты решила прийти сюда, чтобы раздражать меня? — Йохан картинно подмигнул ей, прежде чем начать наносить тушь на другой глаз.

— Я не знала, что ты тут будешь, — ответила она. Возникло желание уехать, но она подавила его.

— А что твой папа?

Лена пожала плечами:

— Он бы велел сидеть в комнате. — Она нахмурилась, всеми силами пытаясь пошевелить своими худыми ногами.

— Должно быть отвратно, — продолжил Йохан и громко вздохнул. — Отвратно сидеть здесь целый день без возможности идти куда хочешь.

Лена сжала губы. Темперамент Йохана был под стать любому цирковому артисту.

— Не все так плохо.

Йохан окунул кисточку в коробочку с блестками и румянами и принялся раскрашивать щеки.

— Может и так. И ты ни разу не мечтала что-то поменять? Чтобы стать другой. Чтобы наконец найти друзей, кроме старого английского доктора и гувернантки, засидевшей-

ся в девках.

– Клара не засиделась! – прокричала Лена. Хотя в сказанном и была доля истины, она никогда бы не призналась в этом. Йохан сплетничал с таким усердием, будто это была его работа, а она не хотела, чтобы кто-нибудь, а в особенности папа, думал, будто она несчастна или неблагодарна за их труды.

Она оттолкнулась от стола так сильно, как только могла. Ее кресло перевернулось, а она упала, врезавшись в ящик.

– Лена! – взревел Йохан, подскакивая с места. – И почему ты не можешь просто тихо посидеть?

Лена уже была готова выпалить, что в жизни не слышала никого громче Йохана, но сдержалась и сказала:

– Я и не думала, что так выйдет.

– Иногда мне тебя так жаль! – Йохан крошечной щеточкой убрал комки туши с ресниц.

Лена почувствовала себя неловко, когда он поднимал и усаживал ее на кресло. Не было вещи, которую она ненавидела больше, чем жалость к себе и ощущение, что в глазах остальных ее жизнь чуть менее ценна из-за физической неполноценности.

– А почему ты красишься? – спросила она, меняя тему. Йохан презрительно глянул на нее:

– *Все* здесь красятся. Это же цирк.

– Только девушки и леди делают это не во время шоу. – Лена наблюдала, как он подводил золотым свои скулы так,

чтобы они словно светились. – Ну же, Йохан, скажи мне!

– Боже мой, Лена! Я крашусь, потому что мне это нравится! – сердито выдал Йохан. – Потому что я могу. Потому что *хочу*, – ответил он и замолк, чтобы глянуть на себя в зеркало. Довольный отражением, он встал из-за столика. – Знаешь, сам факт, что кто-то говорит тебе делать определенные вещи, не обязывает тебя к этому. – Он одернул полы своей переливающейся на свету робы. – Запомни: мечта Золушки однажды попасть на бал воплотилась.

* * *

– А что случилось после падения империи?

Примерно месяц спустя Лена сидела в библиотеке и гладела на пасмурное небо Амстердама. Было начало декабря, и они прибыли в столицу прошлой ночью. Несмотря на крепкий ночной сон, Лена едва ли могла сконцентрироваться на чем-нибудь, так как знала, что все остальные вышли в город. Был понедельник, и поэтому остальные дети разбежались или присоединились к другим циркачам, которые бродили по городу в свой законный выходной, а Лена лишь наблюдала за ними и завидовала. Она понимала, что если бы папа мог, то взял бы ее в город, но он целый день проводил в работе с Хорасом, и у Лены не было иного выбора.

– Ты слушаешь меня? – Клара вопросительно подняла бровь.

Лена выронила из рук карандаш, и тот упал на пол; пришлось нагнуться за ним.

– Да. – Ей нравилась Клара, но иногда просто хотелось сбежать из цирка. Как же ей иногда хотелось ходить в обычную школу с обычными одноклассниками, которые бы учились не акробатике или трюкам в воздухе! Она много раз пыталась заговорить об этом с папой, но тот каждый раз обрывал ее на полуслове, не давая закончить. «Он бы никогда этого не позволил», – подумала Лена.

– Прости, просто мне внезапно стало нехорошо. Может, отдохнем остаток дня? – предложила гувернантка.

– Правда? – просияла Лена, но тут же попыталась скрыть свой восторг.

– Правда. – Клара слегка улыбнулась. – Завтра наверстаем.

Лена положила свои учебники и карандаши на нижнюю полку шкафа и поехала в кухню. У Марио, их постоянного повара, всегда была заготовлена какая-нибудь вкуснятина для нее. Лена неспешно ехала по коридорам, останавливаясь, чтобы разглядеть картины и другие украшения вагонов, мимо которых в присутствии других людей предпочитала проезжать мимо. «Мир чудес» представлял собой поезд вагонов класса люкс, которые можно было легко узнать по сине-золотой раскраске. Это выгодно отличало их от других цирков. На каждой остановке они разбивали огромный тент – восьмиугольный темно-синий, как небо, купол с золоты-

ми узорами. Цирк издали манил потенциальных зрителей. Внутри было фойе, где знатные господа могли побеседовать, прежде чем направиться к своим местам и насладиться представлением.

Вагоны были соединены между собой и пассажиры поезда могли беспрепятственно перемещаться между ними, просто каждый раз открывая пару дверей из затемненного стекла. В отличие от других поездов в вагонах «Мира чудес» коридор находился прямо по центру, а справа и слева от него располагались комнаты. Последовательность вагонов с легкостью менялась. Их можно даже было замкнуть в круг, создав лабиринт, если того желал Хорас. Тео немало сил приложил к разработке дизайна вагонов, чтобы его дочь могла спокойно перемещаться по ним. Он же настоял, чтобы все дверные ручки были расположены достаточно низко для его дочери, чтобы коридоры были достаточно широкими для ее коляски, а на металлических переходах на стыках вагонов было резиновое покрытие, чтобы Лене не было скользко.

Лена почти доехала до кухни, когда увидела, что дверь в продовольственный склад приоткрыта. Марио всегда закрывал ее на ключ, чтобы никто не украл запасы, которые покупались на год вперед еще в Лондоне.

– Марио? – Не получив ответа, Лена открыла дверь и тут же зажала рот рукой. На полу лежал мальчик. Она сразу подъехала к нему, чтобы его осмотреть. Он выглядел на пару лет старше нее.

– Здравствуй. – Лена положила руку ему на плечо, но его кожа оказалась холодной, как лед. Пренебрегая наказом отца, она скинула с себя второе одеяло и закутала парнишку в него, тут же сама начиная мерзнуть. Судя по сквозняку, наружные двери вагона были открыты. Этим утром столицу Голландии припорошило снегом, и морозный воздух пощипывал руки девочки.

– Ты меня слышишь? – Она позвала громче, но мальчик не двигался. Тогда Лена выкатилась в коридор, а оттуда на кухню, надеясь застать Марио там. Но на кухне было пусто. И она вспомнила, как Марио упоминал о том, что возьмет остальных поваров на экскурсию на сырный завод и вернется лишь вечером.

Не зная, что делать дальше, она снова подошла к пареньку. Нужно было прийти в себя. Именно этому учил ее доктор Уилсон, когда принимал пациентов. Сделав глубокий вдох, она закрыла глаза. Да, Лене было далеко до доктора, но в свои девять она знала, как унять колики у младенца, наложить шину на сломанную руку и названия всех 206 костей скелета взрослого человека. Доктор рассказал ей, что кровь, отдав кислород, путешествует обратно к сердцу, а оттуда к легким, где вновь насыщается кислородом и по системе артерий разносится по всему телу. Ее не тошнило при виде сломанных костей, кровоточащих порезов и других жидкостей, которые производило человеческое тело. А тут лежал просто мальчик, и она могла ему помочь.

Лена вытянула руку, пытаясь дотянуться до шеи незнакомца, но наклонилась так сильно, что повалилась прямо на пол.

– Ау! – вскрикнула она и коснулась правой ноги, на которую всем весом упало кресло. Она кое-как села и подняла кресло, затем с гримасой боли на лице задрала подол юбки и увидела свежий сочащийся кровью порез на голени. Но о лодыжке она беспокоилась больше всего. При падении Лена ее подвернула, и теперь нога начала распухать.

– Боже мой! – промычала Лена, пытаясь понять, что делать дальше. Она знала, что лучше вернуться в кресло, но пока она на полу, нужно было осмотреть мальчика.

Преодолевая боль, Лена подползла к незнакомцу, стянула с него грязную порванную одежду и заношенные башмаки. Пришлось закрыть нос рукой, потому что от вони давно не мытого тела ее затошнило. Ей нужно было убедиться, что с ним все в порядке. Задержав дыхание, она прижала два пальца к его шее и замерла.

– *Пожалуйста,* – говорила она самой себе. – *Пусть с тобой все будет хорошо.*

Она почувствовала, как кровь пульсирует под ее пальцами, и выдохнула с облегчением. Затем принялась обшаривать карманы мальчика в надежде найти хоть что-то, что поможет понять, кто он такой, и наткнулась на какой-то продолговатый предмет. Это оказалась откусанная плитка шоколада. Отбросив ее в сторону, Лена продолжила шарить по

его одежде, пока не обнаружил тоненькую книжку. Девочка аккуратно достала ее из кармана брюк. Это был немецкий паспорт с весьма потрепанной обложкой.

Поднявшись на локти, она принялась листать его. Мальчик немало путешествовал, и страницы были полны печатей со всего континента. Вероятно, он прибыл на прослушивание у Хораса?

Снаружи разыгрался ветер, в вагоне стало еще холоднее. – Только не это, – сказала Лена. Щеки мальчика покраснелись от холода, а Лена, помня о том, как легко подхватывает простуду, испугалась, что и мальчик такой же слабенький, а потому скинула с себя кардиган и укрыла его. Она сделала что могла, а теперь нужна была помощь взрослых.

Оставив паспорт на земле, она поползла к креслу и поднялась на него. Уже в дверях она еще раз глянула на мальчика:

– Не переживай, я приведу помощь, – пробормотала она и выехала из вагона.

* * *

Не прошло и десяти минут, как Лена привела сюда Анну-Марию. Она наткнулась на балерину, когда ехала к Хорасу, и тут же все ей рассказала. Анна-Мария крикнула другому циркачу привести подмогу, а сама пошла вместе с Леной в вагон, где находился продовольственный склад.

Анна Мария села на колени перед мальчиком и попыта-

лась разбудить его. Ленина нога разболелась, и девочка прижала к порезу ткань юбки.

Вскоре на крошечном пространстве вокруг них собралась целая толпа циркачей, и все они тихонько перешептывались:

– Он мертв?

– Откуда он тут вообще взялся?

– Может, проверить другие складские вагоны?

– Где доктор Уилсон? – спросила Анна-Мария.

– На экскурсии по каналу Херенграхт, – ответил один из клоунов.

– Не трогайте его! Вдруг подцепите что-нибудь! – крикнул Йохан, но жонглер из Швеции склонился над парнем и достал из его штанов картофельный клубень.

– Вор! – осуждающе выкрикнул Йохан. – Зовите полицию!

– Хватит! – остановила его Джуси. – Бедный мальчик, судя по всему, голодал.

Йохан вздохнул, но ничего не ответил. Тем временем Джусси прошептала:

– Гонимый!

Йохан указал пальцем на паспорт, найденный Леной. Только теперь она заметила большую красную печать с буквой *E*. Она не знала, что это значит, но понимала, что иметь такую печать в паспорте было опасно.

– Все разойтись, прочь с дороги! – Хорас пробивался сквозь толпу циркачей, раздвигая их своим пузом. Он оста-

новился, увидев Джуси, сжимавшую в руках паспорт мальчика.

– Это еще что?

– Я нашла его здесь. – Лена указала на мальчика. Хорас перевел взгляд с парня на паспорт и сощурил глаза. Он схватил его из рук Джуси и принялся быстро листать.

– Где она? Где моя дочь? – Тео пробивался сквозь толпу. – Лена! Ты в порядке?

Она кивнула:

– Я пришла за чем-нибудь сладким, но нашла мальчика, лежащего здесь совсем одного. Я хотела помочь, – добавила она тут же, чтобы Йохан не обвинил ее в пособничестве вору. – Но упала.

Лена указала на свою правую ногу.

– Нужно срочно к врачу. – Тео одел Лену в свою куртку.

– Подожди, – сказала она, наблюдая за тем, как Хорас долистывает паспорт и с каждой страницей его лицо все больше краснеет. – А что с мальчиком?

– Джуси, – позвал Тео. – Отнеси его в санитарный вагон. Доктор Уилсон...

– И речи об этом нет. – Хорас закурил и бросил паспорт на пол. – Мы не помогаем людям с таким прошлым. Выбросите его немедленно.

Он вышел из склада, выдыхая облачками пара на морозном воздухе.

Циркачи смотрели друг на друга. Никто не хотел гово-

рить, что было у всех на уме. Лена сокрушенно прошептала дрожащими губами:

– Почему мы ему не поможем?

Тео поглядел вслед уходящему директору, затем ободряюще похлопал Лену по плечу:

– Не волнуйся, я займусь этим. Джуси? – Он кивнул в сторону паренька, который тут же подобрал мальчишку и потащил.

* * *

Парой часов позже Лена проснулась уже в санитарном вагоне. Она зевнула, вдруг вспоминая о мальчике, и резко села, затем одернула штору и увидела его на соседней кровати.

– О, ты проснулась. – Доктор Уилсон вернулся, застегивая свой белый халат. Найденный ею мальчик все еще не приходил в себя. Он лежал в той же одежде, в которой его нашли.

– С ним все в порядке?

– Я как раз хотел осмотреть его. А ты как себя чувствуешь?

Лена стянула одеяло, закрывающее ее ноги. Доктор Уилсон прочистил, забинтовал и бандажом зафиксировал лодыжку.

– У тебя слабое растяжение. Ничего страшного, через пару недель будешь как новенькая.

– А с ним что? – спросила Лена, больше боясь за его здо-

ровье, чем за свое.

– Скоро узнаем. – Доктор Уилсон задвинул штору, чтобы протереть мальчика губкой с антисептиками. Когда Лену в конце концов пустили к нему, мальчик открыл глаза. Но заметив, что он с недоумением оглядывается вокруг, Лена поспешила задвинуть штору обратно и начала глазеть на него в маленькую щелку. Она хотела как следует рассмотреть его.

Несколько недель ранее циркачи получили сообщения о погромах в некоторых городах континента.

– Магазины, синагоги, школы и предприятия, которыми заправляют евреи, – везде выбиты окна, – рассказывал Тео Лене, когда та уже лежала в постели, готовая ко сну. В газетах это называли *Хрустальная ночь*.

– А что это значит?

Лена представила, как улицы Австрии, Германии и Чехословакии устилают стеклянные осколки ярко-синего, зеленого и желтого цветов. Должно быть, это выглядело красиво. Но когда она рассмотрела лежащего на соседней койке мальчика с ушибами и царапинами, с темными кругами под глазами, ей вдруг стало стыдно.

Тео постучал в дверь и с улыбкой облегчения взглянул на проснувшуюся Лену. Он подошел к ее кровати, и дочь заверила его, что чувствует себя лучше. Лена взяла папу за руку, и они стали ждать, когда доктор Уилсон закончит учет лекарств.

У мальчика на соседней кровати были синие глаза и соло-

менные волосы. Когда он подавался вперед, то волосы беспорядочно падали на глаза. Его лицо было белым как мел, а щеки впалыми, судя по всему, от отсутствия нормальной еды в течение долгого времени.

– Гипотермия, запущенный бронхит и сломанное ребро. Возможно обморожение. – Лена окинула взглядом длинный список лекарств, которые держал доктор Уилсон. – Но с ним все будет хорошо. По крайней мере, если мы сумеем его здесь поддержать.

– Я прослежу, чтобы он тут остался, – кивнул Тео.

Доктор отошел в сторону, и отец Лены попытался подсесть к мальчику, но тот отшатнулся и вытаращил на него глаза. Тео поднял руки, будто сдаваясь.

– Я не причиню тебе вреда. – Тео выдержал небольшую паузу и продолжил: – Ты говоришь по-английски?

Мальчик коротко кивнул, а его глаза метались между Тео, Леной и доктором Уилсоном.

– Меня зовут Тео, а это доктор Уилсон. Он будет присматривать за тобой. А это моя дочь Лена.

Мальчик окинул взглядом доктора, а затем с интересом принялся рассматривать Лену. Она взглянул на отца, а тот кивнул. Лена нервно сглотнула и кивнула в ответ.

– А как тебя зовут?

– Александр, – ответил мальчик с сильным французским акцентом. Лена открыла от удивления рот, потому что ожидала услышать немецкую речь.

– А я Лена.

– Александр, ты знаешь, где твои родители? – спросил Тео.

Мальчик опустил глаза и принялся перебирать в пальцах уголок одеяла.

– Ушли, – прошептал он.

Повисла гнетущая тишина. Лена не могла понять, что имелось ли в виду под словом «ушли» – что они мертвы или что они пропали, но спрашивать не рискнула. Она опустила взгляд на одеяло, ожидая, что папа что-нибудь скажет.

– Что ж, Александр, – начал Тео, – мы о тебе позаботимся, пока не поймем, что с тобой делать. Пока что не бойся, здесь ты в полной безопасности. – Тео потянулся к полке, на которой стопками лежали бинты, взял один, размотал и принялся вертеть в руках. Лена заметила, что Александр не отрывал взгляда от ее отца. – А еще нам будет весело! – Тео щелкнул пальцами, и промелькнула белая вспышка. Когда она рассеялась, бинт пропал, а вместо него на руке Тео красовался снежно-белый голубь с блестящими глазками. Лена с гордостью за папу глянула на мальчика, но тот явно не был впечатлен.

– И тебе не интересно, как он это сделал? – спросила она.

– А я знаю.

Доктор Уилсон рассмеялся:

– Абсурд! Это же магия. Никто не знает, как это работает. Но Александр не засмеялся. Он принялся с интересом

осматривать шкафчики с лекарствами. Тео опустился на кровать:

– И как, ты думаешь, я сделал это?

Александр сморщился от боли и сел в более удобную позу:

– Птица была у вас в рукаве.

Лена давно знала этот секрет. Появление птицы было базовым трюком, описанным в каждой книге. Голубь действительно находился в специальном отсеке в рукаве у фокусника. Когда отсек открывался, голубь вылетал наружу. Хотя трюк и был базовым, понять его устройство, увидев один раз, было почти невозможно.

– Почему ты смотрел на мой рукав? Почему не глядел на бинт?

Александр ответил не сразу.

– Потому что это то, что вы от меня хотели, – произнес мальчик с грустной улыбкой. – Если бы я смотрел только туда, куда хотят остальные, я бы не выжил.

Улыбка исчезла с лица Лены. Тео положил руку на забинтованную ногу Александра.

– Гестапо? – предположил Тео.

Александр сощурил глаза. Весь остаток дня он молчал.

Глава пятая

– Как думаешь, откуда он? – шепнула Лена Кларе. Прошло уже несколько дней с тех пор, как они нашли мальчика. Сидя на своей кровати, она подписывала на карте европейские столицы. Уроки пришлось перенести в санитарный вагон до тех пор, пока нога не заживет.

– Предполагаю, что из Германии, если верить его паспорту, – ответила Клара. Лена нахмурилась. У людей может быть паспорт какой угодно страны, но это не означает, что они там живут. Кроме того, судя по французскому акценту, мальчик немало времени провел там.

– Думаешь, его родители мертвы? И сколько ему лет вообще? И почему Хорас не хочет брать его? – Лена отложила карандаш и отдернула занавеску, чтобы убедиться, что Александр все еще спит.

– Лена Пападопулос! Дай ему отдохнуть, – пожурила ее Клара. Девочка недовольно задернула штору обратно.

– Папа сказал, что ему нужно стать фокусником, раз уж он сумел вскрыть замок *и понять*, в чем уловка того трюка с птицей!

– Ах если бы ты питала такой же интерес к тому, чтобы запомнить названия европейских столиц, как к этому пареньку! – вздохнула Клара.

Лена взяла карандаш и вернулась к заданию. После уро-

ков она открыла Оксфордский словарь английского языка и принялась уплетать оставленные Марио пирожные. Одной из ее любимых игр было открыть словарь на случайной странице, выбрать слово и прочитать его этимологию. Затем ей нужно было использовать слово в повседневном разговоре, что бывало довольно проблематично.

– *Метаморфоза*, – читала Лена. – От греческого *metamorphoun*, что означает «переходить из формы в форму, менять ее».

Она взяла еще одно пирожное, разломил его пополам и принялась слизывать шоколадную начинку.

– А в тебя столько влезет?

Лена выронила вторую половинку пирожного. Александр отодвинул штору и с улыбкой смотрел на нее.

– Как давно ты проснулся?

Он откинул волосы с лица:

– Достаточно давно, чтобы услышать, что ты интересовалась мной. – Он указал на словарь. – Забавная игра, да?

– Не шпионь за мной! – нахмурилась она.

– Ты сама за мной шпионила!

– Не шпионила! – Лена почувствовала, как краснеет. – Просто нужно было поддержать разговор.

Александр подвинулся к ней. Судя по выражению его лица, ему приходилось преодолевать боль.

– Вот что я тебе скажу. Твоя учительница была права в одном: я родился в Германии, но вырос во Франции, в Мар-

селе. Второе: мои родители мертвы. Третье: мне двенадцать. Четвертое: я еврей. – Он указал на тарелку с пирожными. – Я устал есть картофельного пюре, которое подает ваш повар. Как насчет поделиться?

Лена передала ему тарелку с пирожными, после чего смотрела, как Александр так же, как она, разломал одно и радостно принялся выедать шоколадную начинку, облизывая губы.

– А где ты был, прежде чем попасть сюда?

– В Нидерландах, – сказал он, уплетая второе пирожное.

– А зачем?

– Семейный праздник, – ответил он и зашелся приступом кашля. Лена передала ему кружку с водой, и мальчик медленно глотнул. – Спасибо.

– Бронхит – вещь подлая. Но тебе повезло, что не пневмония. Это было бы *куда хуже*. Ты мог бы умереть. Равно как и от коклюша.

– А ты много знаешь о кашле.

– Я много читаю. Тут мало интересных занятий. – Лена пожала плечами.

Александр было открыл рот, чтобы сказать что-то, но в последний момент решил съесть еще одно пирожное.

– Смотрю, ты развлекаешь нашего пациента. Так, так! – сказал, входя, доктор Уилсон. Он похлопал Александра по спине, дал ему бутылочку с темно-красным содержимым и столовую ложку. – Две ложки этого снадобья – и через пару

дней ты будешь летать. – Он глянул на Лену. – Думаю, после обеда ему лучше отдохнуть. Вы можете продолжить разговор завтра.

– Хорошо, – кивнула Лена, нехотя возвращаясь к словарю.

* * *

На следующий день Александр отодвинул штору, едва Клара ушла.

– Думал, твои уроки никогда не закончатся.

– Привет! – поздоровалась Лена, польщенная тем, что он ждал, чтобы заговорить с ней. – Тебе лучше?

– Было бы лучше, если бы не они. – Он указал на тарелку с макаронами, стоящую перед Лениной кроватью. – В чем твой секрет? Почему каждый день тебе приносят подносы с пирожными, а я давлюсь похлебками?

– Бери сколько хочешь. – Лена указала на тарелку. Александр подался вперед и взял целую горсть.

– Что нового сегодня узнала? – спросил он.

– О мезозойской эре что-нибудь слышал?

– Я не люблю школу, – поморщился он.

– Почему же?

Он пожал плечами, затем взял колоду карт, которая лежала у Лены на столе.

– Давай-ка лучше сыграем? Во что ты умеешь?

Лена почувствовала, как в очередной раз краснеет, и от-

вернулась. Она знала все от «пинокля» до «пьяницы», но не хотела признаваться Александру, что всю жизнь играла за двоих, потому что никто не хотел играть с ней. Когда ее щеки перестали гореть, Лена, улыбаясь, повернулась обратно.

– Давай сыграем в... «пьяницу», – сказала она, а Александр раздал карты. – А почему плохо быть евреем?

– Кто сказал, что это плохо?

– Ты сам. Когда я спросила, почему Хорас не хочет брать тебя.

Александр посмотрел на свою руку:

– Подозреваю, это потому, что люди не любят тех, кто от них отличается.

– Почему?

Александр пожал плечами и откусил кусочек очередного макарона.

– Почем мне знать? Может быть, мы чем-то болеем. – Он ухмыльнулся и указал на пирожное. – Ты бы поаккуратнее делилась едой с незнакомцами. Не хотел бы, чтобы ты заболела еще сильнее. Кстати, ты скоро опять встанешь?

Лена посмотрела на него исподлобья:

– Что ты сказал?

– Когда пройдет твое растяжение, и тебя выпустят?

В тот момент до Лены дошло, что Александр ни разу не видел ее в коляске, а потому все это время он вел себя с ней, как с равной. Ее кресло находилось в ее комнате в другом вагоне, равно как и одеяла, лекарства и бальзамы для мышц,

которые по настоянию отца она всегда держала неподалеку. Сейчас же лишь бандаж на ноге указывал на то, что она не может ходить.

Лена глянула на Александра. Если она скажет ему правду, он может отвернуться от нее.

– Он не сказал. – Лена положила валет пик.

Александр ликуяюще выкинул туза:

– Я победил. Уверен, ты вернешься в строй совсем скоро, – произнес он, складывая карты ровной стопкой.

Лена кивнула, пытаясь скрыть в голосе печаль:

– Конечно, как иначе?

* * *

Лена с Александром играли и болтали почти до самых рождественских праздников, а их жизнь быстро переросла в комфортную рутину: Александр каждое утро ждал, когда закончатся уроки Лены, чтобы позже часами играть и болтать с ней, пока не придет доктор Уилсон, чтобы напомнить ему об отдыхе или сделать очередной лечебный массаж.

Однажды после обеда Тео шел проведать дочь. Его сердце затрепетало, когда он услышал смех за дверями медчасти.

– Это чудо, не правда ли? – шепнула Клара, наблюдая за детьми.

– Поверить не могу, – согласился Тео. – С бронхитом и такими гематомами он мог и умереть.

– Я про Лену, – добавила Клара. – С тех пор, как он появился, она ни разу не спросила меня, можно ли ей пойти в обычную школу и иметь нормальных друзей. Позволю себе сказать, что она ни разу не была такой счастливой.

Тео кивнул, а Клара вошла в медчасть впереди него.

* * *

– Не обсуждается. – Хорас даже не поднял взгляд от финансовых отчетов.

– У него нет семьи. – Тео стоял напротив директора цирка, негодуяюще хмуря брови. Чедвик шмыгнул носом. Сухой, сутулый, похожий на тень, он был полной противоположностью жадному до власти и эгоистичному Хорасу. Будь они комедийным дуэтом, то имели бы огромный успех, думал Тео.

– Такие вещи меня не касаются. – Хорас продолжал пролистывать страницы, а в руке у него дымилась кубинская сигара: он выкуривал по одной после каждого представления.

– Но ему всего двенадцать. Что еще ему делать?

Хорас глянул на своего лучшего циркача поверх своих золоченных очков, наклонив при этом голову так, что очки съехали ему на нос.

– Когда мне было двенадцать, я зарабатывал по пятьдесят центов в неделю, разнося газеты. А после того стал начищать ботинки богатеньким финансистам с Куинси.

– Рынок Куинси, да-да, я слышал. Мы все знаем о том, как ты поднялся из грязи в князи, – усмехнулся Тео.

Хорас сощурился и глянул на Тео со смесью восхищения и презрения. Вот уже почти десять лет они знакомы, и иллюзионист всегда был таким сострадательным. Этим восхищались многие, но не Хорас. Зачем делать что-то ради кого-то, если это не принесет дивидендов? Он вернул спинку кресла в прямое положение и наклонился вперед так, что пузо уперлось в деревянную крышку стола.

– Ты действительно думаешь, что если бы мальчик был богатым, он бы то же самое сделал для меня?

– Ты помог многим сиротам, и каждый раз это окупалось. – Тео указал на финансовые отчеты, лежащие стопками на столе. Улыбка полностью исчезла с лица импресарио.

– Даже если и так, но на его происхождение нельзя закрывать глаза. Он еврей. – Хорас откинулся назад – кресло за скрипело под его весом – и перевел внимание на январский отчет.

– Опять по новой? Ты же и сам был когда-то неудачником на чужой земле. Разве не доброта незнакомцев позволила тебе выбиться в люди? Получить все это? – Тео обвел рукой вокруг, подразумевая «Мир чудес Беддингтона и Стерлинга».

– И как ты предлагаешь изменить его генетику?

– А нам и не нужно этого делать, – пожал плечами Тео, – просто не скажем никому.

Хорас задумался о предложении. Мальчик назвался Александром Робишау, сыном француза и немецкой еврейки. Его имя ни у кого бы не вызвало подозрений. Насколько Хорас помнил, выглядел мальчик тоже не вызывающе: волосы цвета соломы, белая кожа, голубые глаза.

– Если на то пойдет, то он будет арийцем, – продолжил Тео, ненавидя себя за то, что поднял такую тему. Но ему нужно было сделать все, чтобы оставить мальчика в цирке ради Лены. – Кроме того, других ты тоже защищаешь себе во благо.

Хорас тут же подумал о частых запросах Йохана на покупку ланолина и туши «Макс Фактор» и о румынских близнецах, которых он подобрал пять лет назад. Все они были слишком хороши в своем деле, чтобы отказаться от них, избегая рисков.

Тео прокашлялся:

– Сделайте ему новый паспорт, а в благодарность я выращу из него лучшего иллюзиониста, какого только видел свет.

– Не говори глупостей. Он всего лишь малолетний вор.

– Он не такой, – настаивал на своем Тео. – У него зоркий глаз и огромный нераскрытый талант.

– А что, если он станет, как Лена? – Вначале Хорас ничего не имел против девочки. Он надеялся и даже с нетерпением ждал, что ее здоровье улучшится и финансовые расходы на докторов уменьшатся. Если бы она выглядела как ее мать, то могла бы стать прекрасной водной балериной. Она

могла бы даже унаследовать гены иллюзиониста от Тео. Девушка-иллюзионист – это было бы хитом! Хорас ждал, пока ей стукнет четыре, затем пять, потом шесть. Но другие циркачи репетировали, а маленькая девочка все сидела в своем углу и наблюдала за представлениями издали, зарывшись с носом в книги. Он знал, что ее здоровье не позволяло ей освоить большинство специальностей в цирке. Но она могла бы научиться шить, делать макияж или подбирать костюмы.

– Что это значит? – ошетинился Тео.

– То, что она не работает в цирке. Представь, что будет, если мальчик так и останется лежать? У меня уже есть один лишний рот, который нужно кормить, и второго такого... – Хорас мгновенно пожалел о том, что выпалил это. Он вскрикнул, когда бумаги на его столе взлетели и стали планировать сначала медленно, а затем быстрее и быстрее, пока их не охватило синее пламя, появившееся из ниоткуда. Позади прокричал Чедвик, закрывая лицо руками и явно опасаясь ожогов.

– Брось это, Тео! – Хорас стукнул по столу обеими руками. – Хорошо! Я дам ему время до конца тура. Если сможешь сделать из него кого-то, кто будет приносить деньги, я рассмотрю вопрос о его приеме в труппу. Кроме того, остаться он сможет, только если будет помогать Марио на кухне. Мальчик должен зарабатывать себе на жизнь.

Тео обдумал предложение. Восемь месяцев – не такой уж и большой срок.

– Восемь месяцев. Тогда завтра подготовьте его паспорт. – Тео кинул настоящий паспорт мальчика Чедвику на стол. – А это сожгите.

– А теперь мои бумаги, – раздраженно сказал Хорас. Внезапно синий пламенный хоровод прекратился, и страницы вылетели из него ровной стопкой обратно на стол. Чедвик от удивления ахнул, пытаясь понять, что он только что увидел. Хорас заворчал, беря верхний лист из стопы. Его лицо покраснело, и он взревел:

– Тео, они все не в том порядке!

Но иллюзионист уже исчез.

Глава шестая

На следующий день – а была суббота – Лена проснулась, предвкушая, что целый день проведет, играя с Александром в шашки и поедая вишневые тарталетки. Она глянула на часы, отмечая, что тот должен был явиться с минуты на минуту после окончания процедур у доктора Уилсона. Она начала расставлять на доске белые и черные шашки.

– Привет! – пропела Лена, услышав, как проворачивается ручка двери. – Ты как раз вовремя.

– Это всего лишь я. – Тео прокашлялся, подходя к ее кровати.

– Эх...

– Где же радость в глазах? Пришел папа! – Тео наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб. – У меня для тебя отличные новости.

– Какие?

– Хорас согласился позволить Александру остаться у нас. Но мы должны держать в секрете, что он еврей, иначе никому не поздоровится. Надеюсь, ты понимаешь опасность. – Тео нахмурился.

Лена кивнула и нервно сглотнула. Она до сих пор не понимала, почему Хорас не любил евреев, но хотела, чтобы Александр остался с ними так долго, как только будет возможно. Она бы в жизни не выдала его секрет.

– Вторая новость... Давай-ка лучше покажу тебе. – Тео вышел из комнаты, а Лена в нетерпении сжала кулаки. Вероятно, папа купил ей щенка. Она представляла, как бы хвасталась Александру и как бы тот ей завидовал. Но вместо нового питомца папа приволок коляску.

– Зачем это? – спросила она, бледнея.

– Доктор Уилсон сказал, что твоя нога полностью зажила. – С лица Тео не сходила улыбка. – Ты сможешь вернуться к нормальной жизни к Рождеству.

Лена с отвращением отвернулась от кресла-каталки и закрыла лицо одеялом.

– Нет, – просипела она, чувствуя себя жалкой.

– Нет? – озадаченно переспросил Тео. – Ты уверена, что хочешь провести Рождество здесь?

В горле встал ком, и Лена не сразу смогла заговорить:

– Мне... Мне опять нехорошо.

Тео коснулся ладонью ее лба и нахмурился:

– Температуры у тебя нет. Давай тогда спросим доктора Уилсона.

– Отличная идея, – подхватила Лена. – А ты мог бы убрать кресло в мою комнату, пока мы его ждем?

Тео хихикнул:

– Я не имел в виду, что мы будем ждать его *здесь*! Лена, ты слишком долго здесь просидела. Тебе не мешает выехать и развеяться. Здесь есть отличный музей, куда мы еще не ходили, и он открыт до пяти.

Лена посмотрела на часы. Доктор Уилсон и Александр должны вернуться с минуты на минуту, но если они будут ждать их, то Александр увидит ее в кресле. И на этом все кончится. Лучшим решением было выехать как можно быстрее.

– Знаешь, я подумала и решила, что нужно выдвигаться сейчас же, – настояла она, скидывая одеяло и быстро перебираясь в кресло.

– Но тебе же было нехорошо!

– Мне лучше, – сказала она, накрывая одеялом ноги. – Поехали.

В это самое время доктор Уилсон вернулся в комнату, а следом за ним и Александр. Его глаза округлились, когда он заметил Тео с Леной. Лена пыталась закрыться занавеской, но было слишком поздно. Он все увидел.

– Доброе утро! – весело поприветствовал их Тео. – Александр, я был рад услышать, что тебе лучше. Мне нужно будет кое-что с тобой обсудить.

Александр слишком увлеченно рассматривал Лену, чтобы ответить. Он медленно подошел к ней, пытаясь понять, что видит перед собой. Лена вцепилась в поручни кресла, надеясь провалиться сквозь землю.

– Что с ней?

Тео озадаченно глянул на него:

– Ничего. Лене уже лучше.

– Но ее ноги... Зачем ей кресло?

Тео рассмеялся и покачал головой:

– Вот это ты шутник!

Александр схватился за столбик кровати и переспросил:

– Я не шучу. Почему она в кресле?

Тео посмотрел на Лену, чье лицо буквально побагровело.

– Она должна была сказать тебе. Лена всю жизнь провела в кресле.

Александр потер глаза:

– Ох, теперь вспоминаю. Она точно говорила мне, но я забыл.

– Не переживай. Но нам повезло, что она вообще живет, – сказал Тео и наклонился, чтобы потрепать Лену за щеку. Та попыталась отмахнуться от руки папы, чтобы никто не подумал, что с ней обращаются, как с ребенком. Она взглянула на Александра, но его лицо стало каменным.

– Папа, – горестно прошептала она, – пожалуйста, поехали быстрее.

– Разумеется. Александр, я скоро вернусь. Скоро Марио должен будет принести твой обед.

Когда они выезжали, Лена чувствовала на себе взгляд Александра, но не могла поднять головы, боясь увидеть его глаза.

Позднее тем же днем Тео вернулся в медчасть с одеялами, конвертом и ручкой. Он нашел Александра сидящим на кровати. Мальчик держал на коленях голубя и гладил его.

– Доктор Уилсон сказал, что выпишет тебя сразу после

Нового года, и это замечательная новость, – сказал Тео, усаживаясь на край кровати Александра. – Знаешь, я не представляю, куда ты захочешь пойти, когда тебе станет лучше, но если захочешь остаться, то мы будем тебе рады. Признаться, я надеюсь на это. – Он передал Александру контракт. – Это контракт, написанный Хорасом. Он согласился сделать тебе новый паспорт, чтобы никто не мог узнать, кто ты такой. Мы будем хранить твою национальность в секрете и учить тебя мастерству иллюзии. В обмен на это ты получишь комнату и еду. Хорас также потребовал, чтобы ты работал на кухне по несколько часов в день, но уверен, это не так трудно. – Тео прочистил горло и повертел в руках оставшиеся страницы. – Вторая часть договора подразумевает, что ты в свою очередь будешь хранить тайну. Не люблю лгать, но как ты вскоре поймешь: у меня нет иного выбора. – Александр с любопытством взглянул на Тео. – Мое желание принять тебя в цирк продиктовано не щедростью. Ты видел, как моя дочь вьется вокруг тебя. Тебе удалось достать ее из скорлупы, в которую она забилась, заставить ее смеяться, играть и показывать большее стремление к жизни, чем когда-либо. – Тео передал мальчику оставшиеся страницы контракта и конверт. – Лена стесняется того, что ты видел ее в таком состоянии. Она пытается казаться веселой, но ты понимаешь, что на самом деле она крайне одинока. Настолько одинока, что просит меня записать ее в обычную школу, – сказал Тео и махнул рукой на город за окном. – Ей отчего-то пришлось в

голову, что тогда все изменится, она обретет друзей и покончит с одиночеством. И тут мне понадобится ты, – сказал он, указывая на конверт и бумаги. – Здесь есть еще один договор, который будет строго между нами. Он содержит привлекательную денежную сумму. Если останешься с нами, будешь получать такую за каждый тур, который отъездишь с нами. Все, о чем я тебя прошу, – это чтобы ты побыл другом для моей дочери. Настоящим другом, а не тем, который рядом, только когда это ему удобно.

Александр молча пялился на контракт и конверт. Он никогда не оставался в одном месте достаточно долго, чтобы подружиться с другими детьми. Его отец настаивал на том, что единственные люди, с кем он мог иметь дело, – это его семья. Но Александр к своему удивлению осознал, что ему приятно проводить время с Леной, и мальчику хотелось сохранить это чувство:

– Мне нравится проводить время с Леной. Взятки не нужны.

– Твои намерения чисты, но наивны, Александр. Я подозреваю, ты никогда не сталкивался с той стеной, что стоит между обычными детьми и теми, кто отличается. А Лена, моя светлая, жизнерадостная и заботливая дочка, именно такая. Она мгновенно выделяется среди остальных и надеется лишь на то, что окружающие не сразу распознают тяжесть ее положения. Но дети бывают очень жестокими. Я наблюдал за тем, как год за годом она закрывалась ото всех. С твоим по-

явлением открылась и другая ее сторона. Мне хочется, чтобы она была счастлива, но под моим чутким присмотром и в безопасности. Ты должен пообещать держать наше соглашение в тайне. Никто – ни Хорас, ни доктор Уилсон, ни другие дети, а в особенности Лена – не должны узнать об этом.

– Но, – сказал Александр, пытаясь понять желание удерживать другого человека в своей жизни, – я и бесплатно буду это делать, не нужно мне платить.

– Но я плачу, – сказал Тео и едва заметно скривился. – Контракт снимает какую-либо двусмысленность с ситуации, и если ты его принимаешь, то начинаем сейчас же.

Александр нахмурился: забота Тео о дочери была ему совершенно понятна, но должно же тут было быть что-то, что выходило за пределы простого желания социализировать Лену.

Осмысливая в голове полученную информацию, он продолжил:

– Так вы хотите, чтобы я жил здесь постоянно? В этих вагонах? – Кивок. – И переезжал из города в город? – Еще кивок.

В глазах Тео промелькнул страх, очевидно, он сомневался, будут ли выполняться условия контракта. Иллюзионисту нужно было удержать мальчика.

– Мы о тебе будем хорошо заботиться: у тебя будет доступ ко всему, чего душе угодно. Но я пойму, если ты захочешь пойти по стопам отца. Однако если ты хочешь чего-то иного

для себя, то лучшей возможности тебе не представится.

Александр молчал. Ему претила мысль брать деньги за дружбу, но сумма манила: с такими деньгами ему бы точно не пришлось думать ни о еде, ни об одежде. Умом он перенесся в Марсель, Картахену, Форте-дей-Марми. Он вообразил, как стоит напротив оперных залов, сцен и амфитеатров на берегу Средиземного моря. Его мама отвлекала бы внимание криками о пропавшем сыне, мольбой о помощи. А Александр обчищал бы карманы зазевавшихся прохожих. Иногда уловом были бы всего пара франков, но порой он срывал бы джекпот, забирая золотые кольца с бриллиантами, серьги, серебряные браслеты. Однажды ему уже удалось стащить часы марки Cartier Tank. Ему могло вновь повезти. А вечером каждого дня его мама обнимала бы его, и они бы вместе шли к месту своего временной ночевки. Она бы показывала ему созвездия на небе, обещая, что однажды возьмет его на прогулку от пояса Ориона до Кассиопеи и обратно.

– Если тебе когда-то будет страшно, просто посмотри на небо. Я всегда буду присматривать за тобой оттуда, прямо как эти звезды, – шептала она ему на ухо, а ее теплое дыхание согревало его щеку. Он также помнил, что она крепче сжимала его руку, когда они подходили к месту ночевки, где их ждал отец, готовый отнять у них всю добычу за день. Воспоминания о тех крупницах счастья, когда они были вдвоем с мамой, до сих пор грели его сердце.

Затем в памяти всплыло горестное событие из прошлого.

Заброшенный амбар. Оружие сирены. Полицейские окружили их. У отца было золотое кольцо. Запомнилось последнее его слова.

– Это твоя вина, Александр. Все, кого ты любишь, умирают, – произнес он скрипучим голосом. Затем он попытался схватить сына за шиворот, но Александр быстро увернулся, подстегиваемый страхом. Отец грустно усмехнулся: – Хочешь прослыть трусом? Тогда иди. Но запомни, мой дорогой мальчик: узы кровного родства сильнее других уз.

Разумеется, рассказать что-то из этого Тео он не мог, а потому со смесью надежды и любопытства просто кивнул и спросил:

– Где подписать?

Глава седьмая

К тому времени, когда «Мир чудес» въехал в Копенгаген, была вторая половина января, а доктор Уилсон выписал Александра. Лена долго и успешно избегала его, но в день его выписки она все утро провела в размышлениях о том, как и дальше оставаться вне его поля зрения.

Она сидела напротив Клары в библиотеке, собирая сложный пазл, купленный отцом в музее «Оранжери» в Париже во время их последней поездки.

– Этот кусочек должен подходить к тому желтому пятну. – Она вытянула руку, чтобы поставить детальку на место в рисунке, но нахмурилась: то, что выглядело идеальным совпадением, отказывалось соединяться с нескольких сторон.

– Не важно. Цвет один, а значит, она должны пойти к остальным желтым, – подхватила Клара. Она мельком посмотрела на Лену, которая разгребала кучки синих и зеленых фрагментов. – Александр спрашивал о тебе вчера, – как бы между делом сказала она.

– Как мило.

– Его сегодня выписывают, и он надеялся увидеться с тобой.

Лена полностью сконцентрировалась на пазле, пытаясь собрать его нижнюю часть. Из кучи деталей она достала бежевые и белые. Собрать края было делом более сложным,

чем казалось на первым взгляд.

– Пусть увидит кого-то другого.

– Лена, – мягко начала Клара, заметив, что девочка поджала губы, – он же не мог знать заранее.

В ответ Лена лишь покачала головой и всхлипнула:

– Но теперь знает! И мне это не скрыть. Ему больше не захочется проводить время со мной.

– Я только что сказала, что он о тебе спрашивал!

– Зачем ему вообще дружить со мной?

– Причин может быть несколько. Ты добрая, умная, любознательная, отлично играешь в настольные игры. – Клара поставила на место кусочек пазла, который Лена никак не могла пристроить. – Знаешь, каждый раз, когда мама пишет мне об очередном потенциальном ухажере, у меня буквально вскипает кровь. Никто из них мне не подошел. Я тебе не рассказывала, но один из них, после того, как получил мое согласие на встречу, заставил меня ждать его на городской ярмарке в течение часа. Его кузен, человек куда более приятный, вытащил его из бара и довел до места нашей встречи. Ужас, да и только! – Клара скорчила гримасу.

– Это отвратительно, – отозвалась Лена, подставляя очередную деталь к краю будущей картины.

– Именно! После этого я позволила себе отшивать их без зазрений совести. Трудно найти кого-то, когда разочарования так и сыплются со всех сторон. – Клара в очередной раз бросила взгляд на Лену. – Но если бы я не попыталась, моя

жизнь осталась бы прежней. Если ты не пытаешься ничего изменить, ничего не меняется. Совершая попытку за попыткой, человек, *возможно*, встретит кого-то, кто заставит его ждать часами. Но, возможно, найдет и того, о ком всегда мечтал.

Слезы покатались по щекам Лены, и Клара подошла к ней, чтобы положить руку ей на плечо.

– Мне больно, – призналась Лена. – Я всего-то хотела иметь одного-единственного друга.

– Знаю, – Клара обняла ее. – Но иногда свежий взгляд – это именно то, что нужно. Возьмем Александра. Тебе страшно от того, что он может о тебе подумать, но ты хоть раз думала о том, через что он сам прошел? Вероятно, он тянется к тебе, потому что и сам одинок.

– С чего бы ему быть одиноким?

– А как иначе? Он тут никого не знает и только что лишился родителей. Ты хоть раз думала, что, вероятно, ты нужна ему больше, чем он тебе?

Лена ни разу не размышляла об этом. Но она помнила, как другие дразнили ее «железнодорожной», и грусть сжимала ее сердце всякий раз, когда она наблюдала из окна, как ребята играют в прятки, даже не спрашивая, хочет ли она с ними. Хватит ли у нее сил еще раз открыться кому-то?

– Нет. Вероятность этого мала.

– Но она *всегда* есть. – Клара положила два красных кусочка пазла, завершая контур небольшого букета. – Так по-

чему бы тебе, скажем, не попытаться пойти навстречу Александру, а я в свою очередь отвечу маме насчет очередного потенциального мужа – мужчины по имени Морис из Хэмпстеда. Хотя не знаю, заслуживают ли люди с таким именем доверия, – полушутя сказала она.

– Не думаю, что шанс есть. – Лена надеялась, что Клара начнет спорить, но та лишь пожала плечами.

– Как знаешь, я сказала тебе что хотела. Но помни, Лена, попытаешься ты или нет, время все равно пройдет безвозвратно. – И Клара поставила на место последний кусочек пазла.

* * *

– Тур сейчас в самом разгаре, свободных купе нет, – сказал Тео, ведя за собой Александра. – Но Хорас согласился выделить тебе одно купе для прислуги. Сюда, пожалуйста.

Тео прибавил шагу, и Александр едва поспевал за ним. Цирк представлял собой вереницу вагонов, где все купе были соединены общим коридором, который, как казалось, тянулся вечно. Александр постоянно оглядывался по сторонам, пытаясь запомнить, что где находится. Когда они остановились на повороте, то увидел, как пара ребятишек заливисто смеялась, глядя как жонглер, балансируя на уницикле, перекидывал шары. И хотя само по себе зрелище было обыденным, шары превращались в любое животное, которое на-

зывали дети.

– Лев! – крикнул один из них, и жонглер хлопнул рукой по желтому шарiku, а тот прямо в полете превратился в плюшевого львенка и упал на землю перед ребятней.

В окно слева он увидел двух воздушных гимнастов, которые изгибали свои тела в совершенно невообразимые фигуры на сверкающем белом канате, натянутом между двух деревьев в березовой рощице. Оба были в бело-серебристых костюмах и поэтому почти сливались с фоном. Александру пришлось пару раз моргнуть, прежде чем он сумел различить людей на фоне деревьев.

– Вначале тебе будет непривычно, но скоро все устаканится, – сказал Тео.

Спустя еще пару минут ходьбы они добрались до спальных вагонов. Каждая дверь была сделана из дуба, выкрашена в темно-синий цвет и имела позолоченную табличку с номером, написанным римскими цифрами. Пытаясь поспеть за Тео, Александр заметил серию портретов в золотых рамах на стене коридора. Кажется, то были портреты людей, покинувших цирк, но чей вклад навсегда останется в истории «Мира чудес». Он поежился, почувствовав, что глаза картин словно преследуют его.

– Глаза? – усмехнулся Тео.

Александр не хотел показаться напуганным, но портреты не могли оставить его равнодушным, поэтому он неохотно кивнул.

– Это оптическая иллюзия. Вскоре ты поймешь, что многое здесь – не то, чем кажется, – ответил Тео и подмигнул Александру.

Они повернули направо и пошли по плохо освещенному коридору к двери без таблички.

– Опасаюсь, что это единственная свободная комната. – Тео провернул в скважине золотой ключ, с которого свисала фиолетовая лента. Александр ахнул: комната оказалась больше, чем любое другое место, где он останавливался до этого. У одной стены была односпальная кровать, накрытая бархатным синим покрывалом, с четырьмя большими расшитыми золотыми нитками подушками. У другой стены стояли туалетный столик и небольшой шкафчик. Между ними находился обычный стол. Александр покачал головой, не веря своей удаче. Никогда у него не было собственной комнаты, и уж тем более он не жил в комнате с дверью и кроватью. Но даже теперь он все равно тосковал по маме.

– Я еще до Рождества передал Марте твои мерки, поэтому можешь заглянуть в ящик. Уверен, там найдется все что нужно. А теперь, – Тео направился к выходу, – я оставлю тебя здесь. Располагайся. Ужин в семь.

– Подождите! – попросил Александр.

– Да?

Глаза мальчишки бегали, он с трудом заставил себя посмотреть на иллюзиониста.

– Тут ведь нет полиции? Никто не найдет меня?

Тео улыбнулся:

– Даю тебе слово, Александр, никто здесь не знает, кто ты и как тебя найти. Ты в безопасности.

Парень потупил взгляд, а потом произнес:

– Спасибо.

– Если потеряешься по пути к вагон-ресторану, просто вдохни. Уверен, нос тебя не подведет. – Тео в очередной раз подмигнул ему и удалился.

Едва Александр остался в комнате один, как сразу выдвинул отделение шкафчика. Там были разноцветные рубашки и свитера, чистое нижнее белье и по меньшей мере десять пар одинаковых носков синего, черного и серого цвета. На полу внизу нашлось две пары ботинок: одни черные, одни коричневые. Он в жизни не носил новых ботинок! Кожа была мягкая и никаких дыр на подошве! На глазах сами собой навернулись слезы. Он еще раз открыл ящик и провел рукой по мягкой ткани рубаш и шерстяных свитеров, прижимая их к щеке.

Но он тут же одернул сам себя, закрыл шкаф и лег на кровать. Он не планировал заболеть бронхитом, ломать ребро и тем более остаться жить у этих людей. Изначальный план был прост: забраться в вагон, чтобы набить карманы съестным, и смотаться, но не оставив следов.

Александр вздрогнул, представляя, что бы сказал отец, если бы увидел его сейчас:

Слабый, бесполезный мальчишка. Тебе нельзя доверять

простейшую работу. Аня, я говорил тебе, он один и дня не проживет в этом диком мире!

Он закрыл уши руками: все-таки произошедшее – не его вина. Все случилось слишком быстро. Он поднялся, пытаюсь отогнать память о самом худшем дне в его жизни и сконцентрироваться на настоящем. Ему нравились обходительный иллюзионист и его дочь, но он не доверял им. Денег, которые дал ему Тео, было достаточно, чтобы начать жить самостоятельно и пойти по стопам отца. Но с другой стороны, он понятия не имел, куда идти, и рядом не было семьи, у которой можно было бы попросить помощи. Кроме того, тут его еженедельно проверял доктор Уилсон. Уйди он сейчас, пришлось бы постоянно оборачиваться и бежать. Работа здесь по крайней мере защищала его от властей и давала медицинскую помощь, которая была так необходима.

Александр провел рукой по синим, расшитым золотом обоям, покрывающим стены его комнаты. У владельца цирка водились деньги, и это было очевидно. Если ему тут разонравится, то всегда можно украсть все, до чего руки дотянутся, и бежать. Нужно было лишь убедиться, что никто не раскроет правду о том, чем он промышлял.

Он выложил вещи, которые сумел незаметно стащить, пока лежал в медчасти: пара пачек крекеров, упаковка чипсов, две плитки шоколада и бутылка имбирного лимонада. Он также прихватил один из стетоскопов доктора Уилсона после того, как услышал, насколько они дороги, и взял пару ру-

лонов бинтов. Затем он достал золотое мамино ожерелье на тонкой цепочке с золотой звездой, в центре которой блеснул бриллиант. Сердце опять сжалось от тоски. Мысли о том, как ему не хватает мамы, не покидали его. Но сейчас было не время раскисать. Он присел на пол около шкафа, с помощью ключа подцепил и вынул одну из досок, после чего сложил под пол все ворованное добро и поставил доску на место. Отец учил, что всегда лучше перестраховаться: «*Не верь никому, Александр*». Нужно было быть готовым бежать.

* * *

Лена медленно ехала к комнате Александра и остановилась у самой двери. Она смотрела на колоду карт, пачку печенья и две бутылки имбирного лимонада, лежащие у нее на коленях. Хватит ли ей сил опять рискнуть всем ради того, кто через пару недель может бросить ее одну? Но сразу же вспомнились слова Клары: *попытаешься ты что-то сделать или нет, время все равно пройдет безвозвратно*.

Она нервно сглотнула и постучала в дверь. Александр открыл почти что мгновенно, и она еще пуще занервничала.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, глядя в его покрасневшие глаза.

– Да все в порядке, от пыли расчихался, – ответил Александр, потирая глаза. Он выглядел опустошенным, будто кто-то высосал из него все жизненные силы. – Привет, кста-

ти, – добавил он, тут же выпрямился и попытался улыбнуться, явно приходя в норму. – Где ты пряталась все это время?

Лена внимательно осмотрела его. Если бы она знала его лучше, то спросила бы, отчего тот плакал. Но этого не произошло, а секундная слабость, промелькнувшая на его лице, давно сменилась широкой улыбкой. Она отбросила эти мысли и протянула колоду карт:

– Рамми?

Александр с радостью принял карты и отступил, давая Лене возможность проехать в комнату.

Глава восьмая

Спустя несколько дней Лена проводила Александру экскурсию по поезду. Она показала укромный уголок, где Марио хранит коробки с пирожными, с гордостью рассказала историю каждого циркового костюма, который нашла в гардеробной, и с легкостью обыграла его в дартс в игровой комнате.

Лабиринт миражей она приберегла напоследок, потому что это было особенное место, созданное папой специально для нее. В прошлом туре они вместе посетили крепость Тисадоб. Она помнила, как папа разбудил ее после часовой поездки из Дебрецена, и они пошли осматривать все пятьдесят две комнаты замка, когда-то принадлежавшего правящей семье Андраши.

– По одной комнате на каждую неделю. Только представь, что ты могла бы переезжать еженедельно! – восторгался Тео.

Но что действительно запало в душу Лене, так это лабиринт в саду. Как объяснил папа, это было нечто вроде загадки, решить которую ей предстояло самой.

– Иди вперед и вскоре выйдешь на другой стороне.

– А что там будет?

– Узнаешь сама.

Лена въехала внутрь, медленно проворачивая колеса, но вскоре добралась до места, которое уже проходила. Она за-

думалась, рассматривая сидящую на веточке гусеницу, и не сразу поняла, что папы рядом нет.

– Папа! – Она повернулась, пытаясь понять, в какую сторону идти. – Папа! – крикнула она громче. Голос ее дрожал, а стены лабиринта показались исполинскими.

– Лена! – Голос Тео прозвучал с другого конца лабиринта. – Ты сможешь выбраться отсюда. Просто положи руку на изгородь и следуй вдоль нее. Не останавливайся, пока не выйдешь ко мне.

Солнце уже садилось, и Лена в слезах выкрикнула:

– Но почему ты сам не найдешь меня?

– Ты все сможешь. Не бойся. Иди вдоль изгороди.

Лена шмыгнула носом и продолжила катиться вперед. Она медленно двигалась, положив правую руку на изгородь. Иногда казалось, что она бродит кругами, но Лена не останавливалась. И когда впереди показался просвет, где ее ждал папа, она расплакалась.

– Папа! Я думала, что больше не увижу тебя. – Она утерла нос и облегченно выдохнула.

– Дорогая моя, лабиринт не длиннее пары футов! – посмеялся Тео и погладил ее по голове. – На греческом мы бы сказали *epimento*, что означает «упорствуй». Если так посмотреть, то наша жизнь – это один большой лабиринт. Иногда мы в нем запутываемся, но если упорно двигаться вперед, то найдутся силы пережить любой крутой поворот судьбы и достигнуть своей цели.

Лена уткнулась лицом в сильную папину руку.

— У меня появилась идея, — сказал он. — А что, если мы построим такой же лабиринт? И в нем у тебя будет секретное место, чтобы спрятаться. Ты станешь королевой лабиринта. Мы построим его с нуля, и поэтому ты будешь знать в нем каждый поворот, и тебе нечего будет бояться.

Лена перестала плакать и посмотрела папе в глаза: обещание построить лабиринт для нее одной крепко ее заинтересовало.

Вернувшись в цирк, Тео предложил Хорасу свою идею, и тот дал добро. Лабиринт миражей состоял из 250 резных зеркальных панелей равной длины и ширины. Ширина прохода была увеличена, а Тео распорядился, чтобы рабочие сделали все углы лабиринта скругленными, чтобы Лене было легче там маневрировать. Лена приезжала каждое утро и следила за возведением стен. Никто из рабочих не догадывался, что Тео вечерами работал над секретной комнаткой, куда могла проехать лишь его дочь.

Когда у рабочих был выходной, Тео воспользовался шансом и провел Лену в центр Лабиринта, где над панелями возвышалась миниатюрная башня с часами.

— Тут что-то есть?

Лена нахмурилась, разглядывая башню со всех сторон. Она чувствовала себя потерянной, а сердце начало бешено стучать, будто она опять оказалась в ловушке. Тут Тео нажал на одну из зеркальных панелей, она отодвинулась, открывая

крохотный проход, куда могла протиснуться лишь Лена.

– Теперь это твое тайное место. Вперед. Наслаждайся.

Лена проехала внутрь и оказалась в башне с часами; там было прохладно. Если бы папа не показал ей тайник, то сама бы Лена ни за что не догадалась о существовании прохода, ведь две составляющие панели были поставлены так, чтобы отражать друг друга, создавая иллюзию того, что там ничего нет. Только Тео и Лена знали правду.

– Если тебе когда-нибудь станет страшно, сможешь приехать сюда. Здесь тебя никто не найдет.

Лабиринт миражей строили на каждой остановке цирка. Вначале Хорас надеялся, что Лабиринт послужит дешевым способом отвлечь ребятню, пока их родители допивали свои коктейли. Но ближе к концу тура стало ясно, что он стал главной достопримечательностью цирка. Каждый вечер толпы туристов и посетителей стояли в очереди, чтобы потеряться в Лабиринте среди зеркальных панелей. Это приносило цирку немалую прибыль к удовольствию Хораса.

Лена рассказала Александру о Лабиринте, но утаила факт существования комнаты. Когда они двигались по зеркальным коридорам, он держался рукой за стенку, останавливаясь каждые пару минут, чтобы понять, где находится. Когда они подобрались к центру, Лена закусил губу. Стоит ли рассказать ему? Тайное убежище было одним из двух секретов, который она хранила. Первым была национальность Александра. Но можно ли назвать секретом то, о чем ты можешь

разболтать всем?

– Если я покажу тебе кое-что... – начала она.

Александр остановился. Они встали в самом центре лабиринта, и парень посмотрел на башню с часами.

– Покажешь мне что?

– Если покажу тебе это, – продолжила она, – то ты должен пообещать никому ничего не рассказывать.

– Хорошо. Обещаю.

Лена нажала на одну из зеркальных панелей, наслаждаясь удивлением в глазах друга. Она показала, как работает иллюзия, и позволила ему самому открыть дверь в ее тайное убежище. Пока он открывал и закрывал секретную панель как замороженный, Лена представляла, как они будут прятаться здесь во время шоу.

– Это восхитительно! – сказал Александр, проводя рукой по панели. Лена просияла. Она чувствовала эмоциональное возбуждение от того, что Александра впечатлило нечто, связанное с ней.

– Но что-то в этом месте тебя пугает, не так ли? – продолжил мальчик.

– Что ты имеешь в виду? – Улыбка пропала с ее лица.

Александр оценивающе глянул на нее: едва они вошли в лабиринт, стало понятно, что она напугана. Это выразалось в быстрых взглядах по сторонам, будто она ждала, что на нее набросятся монстры.

«Чтобы узнать человека, не спрашивай его, кто он, но

наблюдай, как он ведет себя», – учил его отец. И действительно, люди сами показывали, кем являются, стоило лишь понять, куда смотреть. Но он не хотел, чтобы Лена знала об этой его черте.

– Нет, забудь об этом, – сказал он и зашагал вперед как ни в чем не бывало. Лена быстро нагнала его в своем кресле и схватила за рукав.

– Пообещай, что никому не расскажешь о комнате! – взмолилась она. – Помни, я знаю твой секрет, – произнесла она, понимая, что раскрыть еврейские корни Александра гораздо опаснее, чем разоблачить ее маленькую тайну. Но это была единственная вещь в мире, которая принадлежала ей одной. – Пожалуйста. Я храню твой секрет, а ты храни мой, – сказала она, повторяя слова, сказанные ее мамой много лет назад.

Глава девятая

Когда цирк въехал на территорию СССР, Лена и Александр быстро подружились. В Минске они пили коктейль со взбитыми сливками из одного стаканчика, правда, каждый из своей трубочки. В Таллине Джуси показал им, как играть в покер, и они принялись резаться в него, используя печенье вместо фишек. Каждый раз выигрыш все равно поровну делился на всех игроков. В Киеве они просадили кучу денег на *сырники*, сдобренные сахаром и абрикосовым вареньем. Все это время Тео наблюдал за нами, и его сердце пропускало удар каждый раз, когда он слышал радостных смех дочери в коридоре или видел ее ликующей после очередной победы в шашках над Александром.

Именно тогда он решил официально начать учить Александра магии. Первые же эксперименты показали, что у мальчика действительно недюжинный талант фокусника. Когда Тео перемешал три стакана, под одним из которых был металлический шарик, Александр незамедлительно указал на карман Тео со словами:

– Вон там.

Тео удивился, разрываясь между желанием похвалить Александра за редкую наблюдательность и промолчать, не желая вскружить голову мальчика.

Затем Тео продемонстрировал простейшие приемы жон-

глирования и передал мячи подопечному, наблюдая за Александром.

– Лена рассказывала, что твой отец перепродавал произведения искусства.

Лицо мальчика покраснело, и Тео подумал, что слишком рано спросил его о родителях. Очевидно, боль потери была еще слишком свежа.

– Да, – в конце концов ответил Александр. – Он покупал и перепродавал картины по всей Европе.

– Это объясняет постоянные переезды.

Александр выронил один из мячей:

– Откуда вы об этом узнали?

– Печати в твоём паспорте.

– Точно, – сказал мальчик. Он нагнулся, чтобы подобрать упавший мяч, и положил все три на стол. – А могли бы мы перейти к мастерству тасовки карт? Я бы очень хотел научиться прятать нужные карты в ладони.

– Разумеется, – сказал Тео, доставая из кармана колоду карт и передавая ее ученику.

– А что касается перепродажи картин, – продолжил Александр, – они всегда стоят дороже вдали от места своего происхождения, именно поэтому мы всегда путешествовали из города в город. Продав одну картину, мы покупали другую и двигались дальше.

– Вот оно что. – Тео покачал головой. – В жизни бы не догадался! Должно быть, тебе трудно было заводить друзей

в постоянных переездах.

Александр пожал плечами. Он закончил тренироваться и хотел положить колоду ровной стопой обратно на стол.

– А твоя мама? Она была домохозяйкой? – спросил Тео.

Карты выпали из рук Александра и разлетелись по полу. Тео сел, чтобы помочь собрать колоду, и заметил, что ученик закрыл руками глаза.

– Я не хотел ронять их.

– Я знаю, – ответил Тео, и вместе они собрали все карты и положили их на стол.

Александр метался, не зная, раскусил ли его иллюзионист, но Тео молчал, а потому лучше было продолжить врать:

– Да, она была домохозяйкой. Слушайте, мне нужно идти, Марио наверняка заждался.

Их уроки продолжились и дальше, Тео объяснял устройства тысяч и тысяч трюков, а Александр схватывал все на лету с такой скоростью, какой и сам иллюзионист от него не ожидал. С радостью Тео наблюдал, как Александра из закрытого, уязвимого мальчика постепенно превращается в почти равного по мастерству самому Тео коллегу. Он хорошо читал других и прятал свои эмоции. У мальчика был настоящий талант видеть людей насквозь, отводить глаза и манипулировать предметами. Временами Тео даже задумывался, действительно ли у мальчика был дарованный Богом талант или все это было результатом жестокого жизненного опыта.

Но откуда бы ни пришел этот талант, не имело значения, думал Тео после каждого урока. Александр присоединился к их труппе, и на плечи иллюзиониста легла ответственность превратить талантливого мальчика в профессионала.

* * *

Одним теплым апрельским утром в Милане Тео объявил, что они едут в город.

– Как смотришь на то, чтобы мы заскочили в Музей естественной истории? Это рядом с Понте-Веккьо. Там должно быть очень интересно, – предложил Тео, заглядывая через плечо Лены в список мест для посещения, которые он набросал.

Александр, который упражнялся в фокусах в углу библиотеки, подошел и тоже заглянул в список.

– Вы уходите?

– Да. Снег наконец растаял. – Лена протянула ему листок. – Куда бы ты сходил?

Пробежав глазами по листу, он указал на строчку и спросил:

– А это что?

– Планетарий. Там можно увидеть всю карту звездного неба в одном помещении. Уверен, вам понравится.

Александр почесал затылок:

– То есть в одной комнате будут все звезды?

– Ты что, ни разу не был в планетарии? – удивилась Лена. Александр отрицательно покачал головой. Ее губы растянулись в улыбке, и она сказала: – Папа, я знаю, куда мы пойдём!

* * *

Миланский планетарий, как объяснил Тео, был крупнейшим в Италии, и едва они заплатили за билеты, Лена принялась с горящим любопытством в глазах ездить от одной звездной карты к другой.

– А где Александр?

Прежде чем Тео успел пробежать взглядом по громкой толпе посетителей, запыхавшийся ученик сам выбежал к нему навстречу:

– Это место просто потрясающее! Вы знали, что там весь потолок в звездах? – Он рукой указал на дальний проход.

– Именно туда мы и хотели пройти, – ответил Тео. Все трое направились в соседний зал, а работник планетария на входе предупредил их, что шоу вот-вот начнется. Лена и Александр принялись обсуждать музей и делиться впечатлениями. Но прошло пять, затем десять, а после и пятнадцать минут, а шоу не начиналось.

– Папа, – Лена потянула Тео за рукав свитера. – А почему шоу не начинается?

– Не знаю, – сказал он и хмуро оглядел перешептывающихся работников планетария. В зал вошел полицейский. –

Ждите здесь, я пойду разберусь, что происходит.

– Но ты пропустишь шоу, – сказала Лена, а свет начал потухать.

– Потом мне все расскажешь.

Лена хотела было окрикнуть папу, чтобы тот остался, но в это время ведущий объявил, какое из созвездий им предстоит увидеть. Оба ребенка затаив дыхание сидели в темноте, наблюдая за полотном на стене.

– Смотри! Орион! – Александр указал на созвездие.

– Это слишком легко, – передразнила его Лена. – Найдика... Дельфина!

– Ты меня недооцениваешь, – ответил Александр, указывая на созвездие из пяти звезд прямо над ними.

– Ты слишком много знаешь о звездах для того, кто не ходил в нормальную школу. – Лена повернулась к другу, но в темноте не сумела разобрать выражение его лица.

– То же могу сказать и о тебе.

– Мне приятно изучать небо, – произнесла она после минутного замешательства. Не получив ответа, она лишь крепче сжала подлокотники кресла, надеясь, что свет не включат. – Я не могу выйти на улицу сама и увидеть мир, но мои книги, телескоп и фотографии на стене позволяют почувствовать, будто мир сам пришел в мою комнату.

Александр было открыл рот, чтобы ответить, но включился свет; шоу закончилось, и зрители стали медленно расходиться, а на входе уже собралась группа туристов, готовых

занять их места.

Лена сощурившись осмотрелась, но нигде не увидела отца.

– Пошли, – позвал Александр, жестом зазывая ее с собой за вереницей людей, покидавших комнату.

– Мы не можем уйти сейчас. Папа сказал ждать его.

– Мы не можем.

Лена закусила нижнюю губу и с тревогой наблюдала, как зал пустел.

– Все хорошо, мы подождем его на выходе. Твой папа не сможет пройти мимо него. – Александр шел впереди, а Лена нехотя следовала за ними. – Туда, – сказал он, заметив выход. Сады Индро Монтанелли, среди которых находился планетарий, начали зеленеть к весне, ранние тюльпаны уже проклюнулись в горшках, завязались тугие бутоны. Лена схватила жука со спинки кресла и протянула его Александру, когда тот сел на оббитую плюшем каменную скамейку.

– Ты голоден?

– Чудовищно, – сказал он и расплылся в улыбке. Марио дал им с собой пасту на обед. Они быстро поели и запили все «Сан Пеллегрино».

– Я столько знаю о ночном небе благодаря маме, – объяснил Александр. – Так как папа постоянно работал...

– Да уж, разбираться с картинами – дело нелегкое, – согласилась Лена.

– Он всегда возвращался поздно, ужиная с клиентами. А

мы с мамой проводили время вместе. Ее отец – мой дедушка – был астрономом из Германии.

– Вау, ты не врешь?

Александр кивнул, довольный, что Лена такого высокого мнения о ком-то из его семьи.

– Она научила меня всему, что знала сама. А знала она многое. Каждую ночь мы выходили гулять, и она рассказывала мне о Солнечной системе. Например, наименьшее расстояние от Земли до Меркурия 82 миллиона километров.

– Что значит «наименьшее расстояние»?

– Планеты постоянно движутся, – пояснил он. – Но даже когда они подходят к друг другу максимально близко, расстояние все равно измеряется миллионами километров.

Лена понимающе кивнула:

– Нужен очень быстрый космический корабль, чтобы долететь туда.

– А ты знала, что звезды – это карта? – улыбнулся Александр. – Куда бы ты ни хотела направиться в Европе, до любой точки можно добраться, просто ориентируясь по звездам. Но только если ты знаешь, как их читать. Я, например, знаю, – сказал он, допивая воду, а затем полез в рюкзак и вытащил оттуда разрезанное пополам миндальное пирожное. Одну половинку он положил на платочек и передал Лене.

– Вот интересно, какого это – суметь дойти до самого края Земли? – задумчиво спросила Лена, глядя на небо.

– Этим летом я покажу тебе, что скажешь? – предложил

он, откусывая кусок от своей половинки.

Лена нерешительно улыбнулась: все-таки до лета еще так долго. К тому времени он мог уже устать от нее.

Но видя перемену в настроении подруги, Александр тут же оговорился:

– Но если не хочешь...

– Нет, – перебила она его. – Хочу, но...

– Но что?

– К тому моменту ты уже можешь устать от меня, – мягко произнесла Лена, опуская взгляд на пирожное.

Александр рассмеялся. Он закинул последний кусок пирожного в рот и ответил:

– Вряд ли. Ты мой единственный настоящий друг.

Тугой от банкнот конверт, спрятанный в полу, тут же представился ему.

– Но ты же все равно заведешь новых друзей. И тогда ты захочешь быть с ними, бегать, играть. Просто поверь мне, – сказала Лена. – Ты устанешь от меня. Все устают.

– Клянусь, что никогда от тебя не устану! – торжественно заявил Александр, положив руку на сердце, а Лена захихикала. – Кроме того, я не могу показывать такие фокусы другим детям. – Он взял Ленино пирожное и побежал.

– Эй! Живо отдай его! – закричала она и покатилась за убегающим другом, хохоча во весь голос. Когда она нагнала его, то Александр склонил перед ней колени и протянул лакомство:

– Ваше Королевское Высочество, я нарекаю вас Королевой Марципана, страны, где все усыпано миндалем, а население объедается сладким.

Лена рассмеялась, взяла пирожное, откусила кусочек и отломилла такой же другу. Александр принял подарок, поднялся, отряхнул колени и сел рядом с ней на скамеечку.

– Значит, договорились.

– Лена, Александр! Что вы тут делаете? – раздался в тишине обеспокоенный голос. Улыбка сошла с Лениного лица.

– Папа, я...

– Я вам сказал ждать внутри! – проворчал Тео.

– Но шоу закончилось, а мы просто играли... – Лена взглянула на платочек, где лежали остатки пирожного, но аппетит совсем пропал. Ей было нечего сказать: ни разу в жизни она не теряла счет времени и не нарушала наказов отца.

Тео сел около нее и, заметив страх в глазах, спросил:

– Тебе плохо?

– Все в порядке. Почему ты продолжаешь относиться ко мне, как к больной? Я уже выросла! – Лена скрестила руки на груди. Ей было так весело с Александром! Зачем все портить? Но когда она подняла глаза на отца, то заметила, сколько боли сквозило в них. Она тяжело вздохнула: как бы сильно он ни опекал ее, все это было продиктовано любовью.

– Это моя ошибка, – вмешался Александр. – Нам сказали выходить, и я повел Лену на улицу, чтобы вы могли увидеть нас сразу у выхода в сад.

– Вот только основной выход в сад там. – Тео указал на большие ворота, а затем посмотрел на дочь. – Могли бы и догадаться. А теперь пошли, они закрывают планетарий.

Лена глянула на толпу полицейских, которая стояла около входа.

– Что происходит? – спросила она, когда они оказались на узком тротуаре между дорогой и садом.

– Один из экспонатов пропал, – объяснил Тео.

– Боже мой! – воскликнула Лена. – Надеюсь, они найдут его.

Шедший позади них Александр запустил руку в карман и оглянулся через плечо на толпу полицейских у главных ворот.

– Да, – сказал он. – Надеюсь, найдут.

Глава десятая

Тур закончился лишь в конце августа. Тогда Тео и удивил Александра внезапным предложением поехать с ними в Салоники. Он переживал, что два месяца ожидания в доме Хораса в Лондоне могут негативно сказаться на нем.

Накануне того дня, когда они отправились на станцию Виктория, Тео и Александр зашли в кабинет к Хорасу. Он сидел за своим столом, одетый в помпезный костюм для выступлений. Александр даже представить не мог, насколько жарко должно было быть в таком костюме летом.

– Ты здесь из-за нашей договоренности? – Хорас сложил руки на животе.

Тео кивнул и велел Александру помолчать. Все-таки работая с Хорасом больше десяти лет, иллюзионист понимал его, как никто другой, а вот его ученик пока еще не так хорошо знал директора.

– Я бы хотел удостовериться, что он сумеет продолжить работать с нами.

Хорас поднял руку, жестом призывая замолчать.

– Я достаточно долго наблюдал за ним. Его координация и манера выступлений еще не совершенны, но он быстро учится. Сколько еще продлится его обучение, прежде чем он сможет проделывать те же трюки, что и ты? – спросил Хорас, понимая, что настоящие деньги приносили самые трудные и

дорогостоящие фокусы, которые так хорошо умел исполнять Тео.

– Как минимум следующий год. Но он уже готовый иллюзионист, если учесть быстроту его рук и умение читать аудиторию. – Тео и сам неплохо читал людей, но навыки, которыми обладал Александр, иначе как природным даром назвать было нельзя.

– И что ты предлагаешь? Устроить сеанс телепатии? – Хорас обмакнул перо в чернильницу, с неприятным звуком процарапав по ее дну. – Такая мелочь никому особенно не нужна, ты и сам понимаешь.

– Но это не мелочь.

– Тебе не нужно убеждать меня в ценности мальчика, я и так увидел, что он чего-то да стоит.

– То, что вытворяет он, даже я не в силах понять.

Хорас хохотнул. Он никогда и не пытался понять, как делаются трюки в его цирке.

– Мне не нужны объяснения. – Он откинулся на спинку кресла. – Ты же знаешь, это магия. – Хорас перевел взгляд на Александра, тихо стоящего в углу. – А теперь скажи нам, парень: ты же не можешь знать о тех вещах, о которых мы тебе не рассказывали, верно?

Александр промолчал. Он понимал, что лучше всего отмалчиваться. Он, конечно, не мог знать, что в детстве директора самого травили ровесники, а «Мир чудес» был его способом самоутвердиться. Ощущение неуверенности букваль-

но сочилось из Хораса, и это было очевидно даже не самым проницательным людям.

– Ты отличаешься от других детей, ведь твоя мать не позаботилась о том, чтобы правильно воспитать тебя, – фальшивым голосом изрек Хорас.

Александр продолжал стоять в углу, пытаясь подавить гнев. Говорить плохо о нем – еще куда ни шло, но вот произносить гадости о его матери – непростительно. Он нахмурился и сжал кулаки, но первый удар нанес словами.

– Вашу бабушку звали Эстер, – спокойно начал он.

– Что ты сказал? – переспросил Хорас, а ухмылка исчезла с его лица.

– Вашу бабушку звали Эстер, и для вас она была самым важным человеком в жизни.

– Разумеется, ты мог подслушать это где угодно, – непринужденно бросил Хорас, внутренне напрягаясь.

Александр между тем продолжал:

– Эстер умерла где-то между Неаполем и Палермо, а вы так и не съездили проститься с ней, так и не показали ей свое творение. А еще вы опасаетесь, что она будет преследовать вас вечно.

– Достаточно! – Хорас поднялся из-за стола и взял мальчишку за ворот. – Да как ты смеешь?! Тебе-то какое дело, кто мои родственники?

– Хорас, хватит. Он не сделал ничего плохого, – вмешался Тео, пытаясь разнять их.

Хорас рыкнул, и капелька пота скатилась по его носу.

– Не сделал ничего плохого? Да он в душу ко мне залез! Он... – Директор цирка застыл, глядя на мальчишку по-новому – со страхом. Он никому не говорил о смерти бабушки, даже Чедвику. Хорас получил телеграмму из Неаполя, где говорилось о болезни бабушки, а затем еще одну из Палермо, сообщавшую о ее смерти. Но этот мальчик, как он сумел так просто узнать все это?

– Так Александр был прав? – мягко спросил Тео.

Хорас сел обратно в кресло и начал нервно сгибать и разгибать бумажный лист.

– Да. – Он посмотрел на мальчишку и после секундной заминки продолжил уже с уважением: – Мы будем рады увидеть тебя осенью в нашем цирке.

Едва они вышли из кабинета, Александр направился в свою комнату.

– Подожди! – окрикнул его Тео. – Ты ведь еще помнишь о нашем контракте?

Александр развернулся на носках, явно чувствуя себя неудобно.

– Это необязательно, – начал он, но Тео остановил его, подняв ладонь:

– Уговор есть уговор. Никаких «но». – Он протянул мальчику пухлый конверт. Александр глянул на него и нехотя взял, быстро пряча в карман брюк.

– Скажи «а-а-а».

– А-а-а! – Александр высунул язык, а доктор Уилсон положил на него деревянную ложку и осмотрел горло мальчика.

– Отлично! Если недуг вернется, тебе потребуется это. – Доктор Уилсон достал из своего шкафчика небольшую склянку с жидкостью. – Пей по две капли утром и перед сном. – Он покрепче затянул пробку и передал ее Александру. – Думаю, на все каникулы этого не хватит. Сейчас найду еще.

И пока доктор бегал по кабинету, Александр собирался с силами, чтобы задать вопрос:

– Доктор Уилсон, могу я спросить кое-что? Лена говорила, что заболела полиомиелитом, когда была еще совсем малышкой, и что она никогда не сможет ходить.

– Да, это так, – ответил доктор. – Ее иммунная система всегда была слабой, да и родилась она недоношенной. Она научилась ползать и даже начинала подниматься и стоять на ножках без посторонней помощи. – Доктору Уилсону явно было грустно говорить об этом. – Но, к сожалению, она подхватила полиомиелит в Англии, когда ей и года не было. Тео никогда не простит себя за то, что таскал ее везде.

Александр сдавленно выдохнул:

– Так он часто брал ее с собой?

– Разумеется, – кивнул доктор Уилсон. – Так он хотел защитить ее. Он часто выходил в город и позволял ей играть с другими детьми и ползать где она хочет. – Доктор в очередной раз покачал головой. – Но все изменилось после того, как Лена заболела полиомиелитом. Она месяцами лежала в больнице Лондона, а мы тогда еще не знали точно, что с ней. Тео чуть не лишился рассудка.

– Представляю, – пробормотал Александр, прокручивая эту информацию в голове. – А есть шанс, что она когда-нибудь встанет?

Доктор Уилсон затянул пробку на еще одной бутылке с лекарством:

– Вероятность близка к нулю. Когда ее выписали из больницы, мы были рады даже тому, что девочка осталась жива. Но Лена старается не думать о своем недуге. И признаться ей было очень одиноко до твоего появления, но она проявляла редкую любознательность, была крайне самостоятельной и одаренной девочкой, а еще идеальной ученицей. Ее неспособность ходить никак не помешала ее стремлению жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.